БЛЭК
КНИГА ПЕРВАЯ
МОНСТР СРЕДИ ЛЮДЕЙ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Алексей Гордеев

Блэк: Монстр среди людей

«Автор»
2026

Гордеев А.

Блэк: Монстр среди людей / А. Гордеев — «Автор», 2026

В мире, где магия соседствует с машинным дымом, а за светом городских фонарей скрываются вещи, о которых лучше не знать, у каждого чудовища есть своя цена.Алекс Блэк давно привык жить по собственным правилам. Наёмник, охотник на чудовищ и человек с весьма сомнительной репутацией, он берётся за работу, от которой другие предпочитают держаться подальше. Его прошлое окутано тайнами, его методы не отличаются милосердием, а совесть давно перестала быть надёжным советчиком.Но даже в мире, полном тварей из кошмаров, существуют силы, перед которыми стоит опасаться не только за собственную жизнь.Когда старые тайны начинают выходить на поверхность, а тени прошлого вновь обретают очертания, Алекс оказывается перед лицом событий, способных изменить не только его судьбу, но и судьбу всего мира. И чем глубже он погружается в эту историю, тем отчётливее становится одно: порой самое страшное чудовище — то, которое научилось жить среди людей.

© Гордеев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 33

Алексей Гордеев
Блэк: Монстр среди людей

Глава 1

Глава 1 «Монстр среди людей»

Ночь опустилась на окрестности Мельдорфа, укрыв землю густой темнотой и холодным туманом. В нескольких милях от городских стен раскинулись зловонные болота — гиблое место, о котором местные предпочитали говорить вполголоса. Старики уверяли, будто среди затянутых чёрной водой топей обитали существа, которым не нашлось бы места даже в самых страшных сказках. Поговаривали о костях, исчезавших путниках и странных огнях, что вспыхивали среди камышей, заманивая неосторожных всё глубже в трясину. Одни считали эти истории суевериями, другие клялись, что собственными глазами видели нечто, чему не могли подобрать названия. Впрочем, когда речь заходила о Мельдорфе, где за деньги покупались молчание, верность и человеческая жизнь, трудно было сказать, какие из местных ужасов были выдумкой, а какие — лишь правдой, которую никто не желал признавать.

И всё же нашлась парочка, которой в эту ночь оказалось не до страшных историй. Молодые любовники, опасавшиеся куда больше людской молвы, чем болотных чудовищ, решили укрыться от чужих глаз подальше от городских стен. Им казалось, что среди камышей и гнилых деревьев их никто не потревожит, а тьма надёжно скроет то, за что в приличном обществе могли осудить, а то и выставить на посмешище. Не сговариваясь лишний раз, они свернули с дороги и углубились в топи, туда, где земля хлюпала под ногами, воздух отдавал тиной и разложением, а редкие звуки ночи звучали так, словно само болото прислушивалось к незваным гостям.

Они торопливо пробирались по извилистым тропинкам, стараясь углубиться в топи как можно дальше, чтобы случайный путник не застал их врасплох. Под ногами чавкала размокшая земля, цепкие корни то и дело выступали из грязи, вынуждая перешагивать через них, а низкие, искривлённые деревья, покрытые мхом и лишайником, нависали над тропой, переплетая свои голые ветви. Впрочем, влюблённых мало занимали неудобства пути. Парень то и дело останавливал спутницу, прижимая её к ближайшему стволу, и, обхватив за талию, покрывал поцелуями её шею. Девушка отвечала ему тихим смехом и сама тянулась навстречу, пока его руки, подчиняясь нетерпению, приподнимали подол её юбки, обнажая бёдра.

Наконец, добравшись до небольшого водоёма, затерянного среди болотных зарослей, девушка резко остановилась. Обернувшись к своему спутнику, она на мгновение встретилась с ним взглядом, после чего сама бросилась ему на шею и повалила на влажную землю. Теперь уже она задавала тон их любовной игре: целуя парня с горячностью, не оставлявшей места для слов, девушка принялась торопливо расстёгивать его одежду, избавляя его от одной вещи за другой

Парень не собирался уступать ей в пылкости и, обхватив девушку за талию, притянул к себе, отвечая на её поцелуи с той же страстью, что ещё мгновение назад заставляла их торопливо пробираться сквозь болотные заросли. Его пальцы ловко справились с пуговицами блузки, и вскоре тонкая ткань распахнулась, открывая её грудь холодному лунному свету. На бледной коже серебрились отблески луны, а растрепавшиеся волосы рассыпались по плечам, когда девушка запрокинула голову, вновь прижимаясь к нему. Вокруг простирались безмолвные топи, чёрная гладь небольшого водоёма отражала клочья облаков, а среди искривлённых деревьев колыхался туман, цепляясь за корни и высокую траву. Не обращая внимания на холод-

ную сырость земли, любовники отдались охватившему их желанию, и вскоре тишину болот нарушили их приглушённые стоны, разносившиеся над водой и терявшиеся среди камышей.

Внезапно со стороны водоёма донёсся странный звук — тихий, едва различимый всплеск, за которым последовало несколько глухих булькающих звуков, словно кто-то под водой выпустил из лёгких остатки воздуха. Сиф замерла, невольно приподняв голову, и повернула взгляд к чёрной глади, раскинувшейся всего в нескольких шагах от них. Лунный свет едва пробивался сквозь рваные облака, оставляя на поверхности воды лишь тусклые серебристые отблески, за которыми невозможно было разглядеть, что скрывалось в глубине. Девушка нахмурилась и прислушалась, пытаясь убедить себя, что звук ей просто почудился, однако спустя несколько мгновений он повторился: негромкое бульканье, будто со дна вновь поднялись пузырьки воздуха, лопнувшие один за другим на поверхности.

— Эрик, — негромко позвала она, не сводя глаз с водоёма. — Мне кажется или там что-то есть?

Парень, увлечённый происходящим куда больше, чем окружающей обстановкой, недовольно поморщился. Ещё немного — и он наконец собирался забыть обо всём на свете, но вопрос Сиф оказался весьма некстати, заставив его отвлечься в самый неподходящий момент. Он приподнял голову и посмотрел на девушку с таким выражением, словно она только что сообщила ему о пожаре посреди свадебного пира.

— Серьёзно? — раздражённо выдохнул он. — Сиф, ты решила испортить всё в самый последний момент?

— Я не шучу, Эрик. Я действительно что-то слышала. Там, в воде.

— Гребаные боги… — пробормотал парень, закатив глаза.

Не желая больше выслушивать её тревожные предположения, он отстранился от девушки, поднялся на ноги и принялся поспешно натягивать штаны. Сиф тем временем поправила сбившуюся одежду и села, продолжая настороженно следить за водоёмом. Ей самой не нравилось, как тихо вдруг стало вокруг: ещё недавно ночные звуки наполняли болота — где-то стрекотали насекомые, в камышах шуршала мелкая живность, а теперь всё это словно отступило на задний план, оставив после себя лишь редкое потрескивание веток да шёпот ветра в кронах искривлённых деревьев.

Эрик, однако, не собирался придавать значения подобным мелочам. Он шагнул к воде, по пути подхватив с земли увесистый камень, и остановился у самого берега. Несколько мгновений парень вглядывался в тёмную поверхность, после чего с досадой хмыкнул и изо всех сил швырнул камень в середину водоёма. Раздался громкий всплеск, по воде разбежались широкие круги, ломая отражение луны и уходя к заросшим берегам. Камень исчез в глубине, оставив после себя лишь несколько пузырьков, которые быстро лопнули, а вскоре поверхность вновь стала гладкой и неподвижной.

Эрик выждал ещё немного, словно предоставляя невидимому обитателю водоёма возможность объявить о своём присутствии, но ничего не произошло. Ни новых всплесков, ни подозрительного бульканья — только тёмная вода, отражавшая ночное небо.

— Видишь? — произнёс он, обернувшись к девушке. В его голосе звучало нескрываемое торжество человека, чья правота, как ему казалось, не нуждалась в дальнейших доказательствах. — Ничего здесь нет.

Эрик уже собирался отойти от берега, когда болотную тишину разорвал оглушительный всплеск. Чёрная вода взметнулась вверх, разлетаясь во все стороны тяжёлыми брызгами, и в следующую секунду из водоёма вырвалось нечто настолько огромное и уродливое, что человеческий разум отказывался воспринимать увиденное как живое существо. Массивное тело, покрытое скользким панцирем, взлетело над поверхностью, обнажив шесть длинных конечностей, напоминавших паучьи лапы. Они беспорядочно дёргались в воздухе, цепляясь за камни и корни, а из-под панциря стекала мутная болотная вода, смешиваясь с густой, тёмной сли-

зью. Голова чудовища выглядела так, словно кто-то попытался соединить человеческий череп с головой гигантского жука: вытянутый лоб, выпуклые глазницы, жёсткие хитиновые пластины и массивные челюсти, между которыми мелькали ряды мелких, кривых зубов. Из раскрытой пасти вырвался пронзительный, нечеловеческий вопль, от которого по спине Сиф пробежала ледяная дрожь.

Девушка вскрикнула и резко попятилась, едва не поскользнувшись на размокшей земле. Ещё мгновение назад перед ней был всего лишь тёмный водоём, а теперь на его берегу возвышалось чудовище, превосходившее размерами любую тварь, которую она могла вообразить даже в самом страшном кошмаре. Сиф лихорадочно оглядывалась, пытаясь найти Эрика, надеясь, что тот тоже успел отскочить в сторону, однако вместо знакомого лица её взгляд зацепился за нечто совершенно неожиданное. На спине чудовища, вцепившись в его шею тяжёлой металлической цепью, находился мужчина. Он стоял, широко расставив ноги, насколько позволяли извивающиеся под ним хитиновые пластины, и всем своим весом тянул цепь на себя, стараясь удержать взбесившуюся тварь. Каждое движение чудовища грозило сбросить незнакомца в воду или размозжить его о ближайшие камни, но мужчина держался с упрямством человека, которому подобные неприятности были далеко не в новинку.

Даже в этом хаосе Сиф успела разглядеть его лицо. Мужчина был высок и крепко сложен, с широкими плечами и телосложением человека, привыкшего полагаться не на удачу, а на собственную силу. Короткие, слегка растрёпанные чёрные волосы прилипли ко лбу от воды, а на бледном лице выделялись резкие скулы, жёсткая линия подбородка и лёгкая щетина. На нём был длинный тёмный кожаный плащ с высоким воротником, промокший и испачканный болотной грязью; под ним виднелись плотная одежда наёмника, ремни с металлическими пряжками и несколько потёртых подсумков. К поясу была пристёгнута кобура массивного старинного револьвера, а за спиной угадывались ножны длинного клинка. Весь его облик говорил о человеке, который слишком часто бывал там, куда благоразумные люди предпочитали не соваться, и давно перестал удивляться тому, что могло выползти из темноты.

Незнакомец не выглядел ни растерянным, ни испуганным. Его лицо исказилось от напряжения, пальцы намертво сжимали звенья цепи, а мышцы рук и плеч проступали под мокрой тканью, когда чудовище очередной раз дёрнулось, пытаясь сбросить незваного всадника. Мужчина коротко выругался, перехватил цепь поудобнее и с силой потянул её на себя, вынуждая тварь запрокинуть уродливую голову. Существо ответило новым рёвом, забило лапами по земле и едва не задело Сиф одной из длинных конечностей. Девушка отшатнулась, зажав рот ладонью, и теперь уже не могла отвести глаз от незнакомца, который каким-то непостижимым образом оказался верхом на болотном чудовище и, судя по всему, отчаянно пытался не дать ему вырваться.

Чудовище взревело и резко дёрнулось, едва не сбросив Алекса со спины. Тот успел перехватить цепь, когда массивная туша вздыбилась и с такой силой ударила передними лапами по земле, что грязь брызнула во все стороны. Алекс проскользил по скользкому панцирю, ударился плечом о хитиновый нарост и, поморщившись, процедил сквозь зубы:

— Ну конечно. Просто взять и сожрать меня ты не мог. Обязательно нужно было устроить представление.

Тварь ответила пронзительным воплем и попыталась дотянуться до него одной из передних конечностей. Алекс пригнулся, пропуская над головой когтистую лапу, после чего обмотал цепь вокруг выступающего рогового нароста на голове чудовища и резко рванул в сторону. Существо потеряло равновесие, завалилось набок и с оглушительным грохотом рухнуло в грязь. Мужчина спрыгнул со спины твари за мгновение до того, как та перекатилась на бок, беспорядочно размахивая шестью лапами и взметая вокруг себя болотную жижу. Алекс приземлился на ноги, но тут же вынужден был отскочить, когда одна из конечностей пронеслась в опасной близости от его головы.

— Да угомонись ты наконец! — рявкнул он, отступая к ближайшему дереву.

Чудовище словно поняло, что добыча пытается от него сбежать, и бросилось следом, с хрустом ломая тонкие стволы и разрывая когтями размокшую землю. Алекс дождался последнего мгновения, прежде чем метнуться в сторону. Тяжёлая туша пронеслась мимо и врезалась в толстый ствол с таким грохотом, что с ветвей посыпались комья мха и гнилая древесная труха. Пока тварь приходила в себя, мужчина выхватил из-за спины клинок и одним коротким движением полоснул по сочленению хитиновых пластин на ближайшей лапе. Раздался сухой хруст, а следом — оглушительный визг. Чудовище отшатнулось, забилось, пытаясь достать обидчика, но Алекс уже оказался сбоку от его головы.

— Вот и всё. А мог бы просто сидеть в своей луже.

Тварь распахнула жуткую пасть и рванулась к нему, щёлкая челюстями. Алекс шагнул навстречу, в последний миг уклонился от смертоносного броска и вцепился рукой в край панциря. В следующий миг он уже взобрался на массивную тушу, удерживаясь на ней так уверенно, словно проделывал подобное каждый день. Чудовище забилось с новой силой, пытаясь сбросить незваного всадника, однако Алекс перехватил клинок обеими руками и вогнал его в уязвимое место у основания головы. Лезвие ушло глубоко, и вопль твари оборвался протяжным, булькающим хрипом. Её лапы ещё несколько секунд судорожно скребли землю, поднимая фонтаны грязи, затем одна за другой обмякли. Огромная туша содрогнулась и наконец затихла.

Алекс вытащил клинок и с брезгливой гримасой стряхнул с лезвия густую тёмную слизь. Некоторое время он молча разглядывал поверженное чудовище, после чего перевёл взгляд на собственный плащ, теперь покрытый болотной грязью и ошмётками неизвестно чего. Мужчина медленно выдохнул, будто именно испорченная одежда, а не схватка с чудовищем, стала самым тяжёлым испытанием за эту ночь. Затем он убрал клинок за спину, поправил ремни и, наконец, обернулся.

В нескольких шагах от него стояла Сиф. Девушка застыла на месте, побледнев настолько, насколько позволял лунный свет, и смотрела на незнакомца широко раскрытыми глазами. Алекс задержал на ней взгляд, оценивая неожиданную свидетельницу, после чего их глаза встретились.

Алекс некоторое время молча рассматривал девушку, после чего его взгляд скользнул по её растрёпанным волосам, сбившейся одежде и обнажённым плечам. Сиф поспешно прикрыла грудь блузкой, попятилась и едва не оступилась на скользкой земле. В её глазах смешались страх и растерянность: ещё несколько минут назад она предавалась любовным утехам с Эриком, а теперь стояла посреди проклятых болот перед незнакомцем, который только что в одиночку расправился с чудовищем, способным разорвать человека на части. Алекс же, казалось, совершенно не замечал её состояния. Он окинул девушку оценивающим взглядом, поправил воротник испачканного плаща и неспешно направился к ней, будто встреча с перепуганными незнакомцами посреди болот была для него обычным делом.

— И другого места для самоудовлетворения не нашла? — спросил он с таким выражением, словно его куда больше раздражало то, что ему пришлось прерывать работу, чем сама нелепость происходящего.

Сиф вздрогнула и испуганно взвизгнула, отшатнувшись ещё дальше. Алекс остановился и посмотрел на неё с нескрываемым раздражением.

— Да угомонись ты, дура. Не собираюсь я тебя насиловать.

Он произнёс это настолько буднично, что на мгновение ситуация показалась ещё более абсурдной. Девушка замерла, не зная, что ответить, и продолжала следить за каждым движением незнакомца, словно ожидала, что тот в любую секунду передумает. Алекс уже собирался добавить что-то ещё, но внезапно тишину нарушил тяжёлый, надрывный кашель. Звук донёсся со стороны места схватки, из-за зарослей камыша, где среди спутанных корней и мокрого мха темнел старый замшелый пень.

Алекс мгновенно повернул голову. Чуть поодаль, почти скрытый в высокой траве, лежал Эрик. Парень судорожно хватал ртом воздух, пытаясь приподняться на локте, но всякий раз бессильно опускался обратно. Его одежда была пропитана кровью, а грудь пересекала глубокая рваная рана, края которой разошлись так сильно, что даже в неверном лунном свете было ясно: повреждения оказались чудовищными. Вероятно, во время схватки одна из лап твари задела его, отбросив в сторону, однако в пылу боя Алекс попросту не заметил, что чудовище успело достать ещё кого-то. Теперь Эрик умирал, захлёбываясь собственным дыханием, и с каждым новым вдохом из его груди вырывался влажный, булькающий хрип.

— Вот дерьмо, — негромко произнёс Алекс.

Он направился к раненому, перешагивая через обломанные ветки и разбросанные камни. Сиф последовала за ним на несколько шагов, но остановилась, едва увидела, в каком состоянии находился её спутник. Алекс опустился рядом с Эриком на корточки и внимательно осмотрел рану. Парень попытался что-то сказать, однако из горла вырвался лишь невнятный хрип; его пальцы судорожно вцепились в мокрую траву, оставляя на ней тёмные следы крови. Алекс слегка наклонил голову, изучая повреждения с холодным вниманием человека, которому доводилось видеть подобное слишком много раз. Он не стал ни утешать умирающего, ни обещать помощь, которой не мог оказать. Лишь коротко цокнул языком и покачал головой.

— М-да. Сегодня явно не твой день.

Сиф резко втянула воздух, словно только теперь осознала смысл его слов.

— Ты… ты можешь ему помочь? — выдавила она, с трудом справляясь с дрожью в голосе.

Алекс не ответил. Он ещё мгновение смотрел на Эрика, затем поднялся на ноги и снял с плеча ножны. Металл тихо звякнул, когда мужчина обнажил клинок; в холодном свете луны сталь блеснула тусклым серебром. Эрик, будто почувствовав движение, с трудом повернул голову. Его мутнеющий взгляд остановился на Алексе, губы беззвучно шевельнулись, пытаясь сложить слова, но сил уже не осталось.

— Нет, прошу… — выдохнула Сиф, сделав шаг вперёд.

Алекс даже не посмотрел на неё. Он действовал быстро, без колебаний и ненужной жестокости: короткое движение руки — и клинок рассёк воздух. Голова Эрика скатилась в мокрую траву, а его тело обмякло, окончательно затихнув у замшелого пня.

На несколько мгновений болото снова погрузилось в тишину. Алекс стряхнул кровь с клинка, убрал его в ножны и лишь после этого повернулся к Сиф. Девушка смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. В её широко раскрытых глазах теперь было куда больше ужаса, чем в тот миг, когда из воды вырвалось чудовище.

Сиф стояла неподвижно, словно ноги приросли к размокшей земле. Она смотрела на обезглавленное тело Эрика, не в силах осознать, что всего несколько минут назад они целовались у воды, смеялись и торопливо пробирались сквозь болотные заросли, опасаясь, что кто-нибудь застанет их вместе. Теперь от её спутника остались лишь безжизненное тело и лужа крови, постепенно смешивавшейся с чёрной болотной грязью. Девушка не плакала и не кричала — она словно забыла, как это делается, продолжая смотреть на происходящее широко раскрытыми глазами. Даже когда незнакомец убрал меч в ножны, она не пошевелилась, а лишь проводила его взглядом, когда тот направился мимо неё, ничуть не обеспокоенный тем, что только что лишил человека головы.

Поравнявшись с Сиф, Алекс на мгновение задержал на ней взгляд. Девушка инстинктивно отпрянула, но мужчина уже проходил мимо, поправляя ремни на груди и отряхивая плащ от налипшей грязи. Казалось, случившееся не произвело на него ни малейшего впечатления: ни погибший парень, ни перепуганная девушка, ни даже схватка с чудовищем не заслуживали того, чтобы задерживаться здесь дольше необходимого.

— В следующий раз выбирай место поспокойнее, чтобы потрахаться, — бросил он через плечо.

Не дожидаясь ответа, Алекс направился обратно к поверженному чудовищу. Его сапоги вязли в мягкой земле, а туман уже начинал стягиваться над водоёмом, скрывая очертания мёртвой твари. Добравшись до туши, мужчина присел рядом и внимательно осмотрел свою добычу, словно проверяя, не осталось ли у неё сил на последний неприятный сюрприз. Убедившись, что чудовище больше не шевелится, он взялся за его уродливую голову и принялся отделять её от массивного тела. Работа оказалась грязной и не самой приятной, но Алекс не проявлял ни малейшего отвращения, действуя с привычной деловитостью человека, которому не раз приходилось предъявлять заказчикам доказательства выполненной работы.

Вскоре он выпрямился, перекинув тяжёлый трофей через плечо. Голова чудовища раскачивалась при каждом шаге, оставляя на тёмной коже плаща липкие следы, но Алекса, судя по всему, это совершенно не беспокоило. Для кого-то она могла стать доказательством победы над болотной тварью, для кого-то — подтверждением того, что опасность больше не угрожает окрестностям Мельдорфа. Для самого же Алекса это была прежде всего законченная работа, за которую ему полагалось заплатить.

Не оборачиваясь, он двинулся прочь от водоёма, растворяясь среди искривлённых деревьев и густеющего тумана. Вскоре его тёмная фигура исчезла из виду, и лишь редкий хруст веток под тяжёлыми сапогами ещё некоторое время доносился из глубины болот, пока не затих окончательно. Сиф осталась одна — рядом с телом Эрика, среди зловонной воды, холодной грязи и ночной тишины, которая теперь казалась ей куда страшнее любого крика.

Выбравшись из болот, Алекс вышел к старому тракту, который тянулся через низины к ближайшему городку перед Мельдорфом. Ночь уже клонилась к утру, хотя небо над западными холмами по-прежнему оставалось тёмным, затянутым тяжёлыми облаками. Дорожная грязь засохла на его сапогах, плащ пропитался сыростью, а через плечо свисала отрубленная голова болотного чудовища, источавшая столь отвратительный запах, что редкие путники предпочитали заранее уступать незнакомцу дорогу. Алекс давно перестал обращать внимание на подобные мелочи. За свою долгую жизнь он повидал достаточно, чтобы не считать ни кровь, ни вонь, ни человеческое любопытство чем-то заслуживающим особого внимания. Куда больше его занимало то, что заказ наконец был выполнен, а значит, впереди его ждали деньги, горячая еда и, если повезёт, несколько часов сна под крышей, которая не протекает.

Городок встретил его сонным гулом просыпающихся улиц. Здесь не было ни величественных дворцов, ни широких площадей, которыми хвастались богатые столицы, — только тесные каменные дома, покосившиеся деревянные пристройки да бесконечные ряды лавок, мастерских и дешёвых постоялых дворов. Утренний холод ещё держался между зданиями, однако жизнь уже постепенно возвращалась на улицы. Из кузницы доносились удары молота, над крышами поднимался дым, а у колодца несколько торговок спорили о цене на рыбу. Когда Алекс появился на главной улице со своим трофеем, разговоры ненадолго стихли. Один мальчишка уставился на голову чудовища с неподдельным восторгом, пока мать не схватила его за воротник и не утащила прочь; пожилой торговец перекрестился на местный манер, а двое подвыпивших мужчин у входа в таверну проводили наёмника настороженными взглядами. Сам Алекс лишь хмыкнул и продолжил путь, не удостоив происходящее даже коротким комментарием.

Контора, выдавшая заказ, располагалась в приземистом здании неподалёку от рыночной площади. Вывеска над дверью давно выцвела, но изображённый на ней звериный череп всё ещё был различим. Внутри пахло дешёвым табаком, мокрой шерстью и старой бумагой. За массивной стойкой сидел конторщик — полный мужчина с редеющими волосами, который поначалу даже не поднял головы, занятый подсчётами в раскрытой книге. Однако, заметив,

что Алекс бросил на стойку тяжёлую голову твари, он отшатнулся так резко, что чернильница едва не опрокинулась.

— Заказ выполнен, — сухо сообщил Алекс. — Где мои деньги?

Конторщик несколько раз перевёл взгляд с чудовищной морды на наёмника, словно пытался убедиться, что тот действительно вернулся живым, а затем торопливо достал из ящика увесистый кошель. Последовала короткая проверка условий договора, несколько недовольных замечаний по поводу состояния трофея и пересчёт монет, который Алекс терпел с выражением человека, готового в любой момент передумать и заставить собеседника пожалеть о потраченном времени. Наконец деньги оказались у него в руках. Он проверил сумму, убрал кошель во внутренний карман и, не тратя времени на прощания, покинул контору. Работу можно было считать законченной.

До Мельдорфа оставалось не так уж далеко.

Чем ближе Алекс подъезжал к Мельдорфу, тем отчётливее менялся сам облик окрестностей. Привычные деревни с деревянными частоколами и покосившимися крышами постепенно уступали место промышленным окраинам, где над дорогой поднимались кирпичные корпуса фабрик, склады, литейные мастерские и высокие трубы, выбрасывавшие в небо густые столбы дыма. По обочинам тянулись рельсы узкоколейных вагонеток, гружённых углём, металлом и ящиками с неизвестным содержимым, а среди рабочих, спешивших на смену, всё чаще встречались люди в защитных очках, кожаных фартуках и перчатках, покрытых въевшейся сажей. Здесь даже воздух казался другим: тяжёлым, насыщенным запахами горелого масла, угольного дыма, горячего металла и химических испарений, которые щипали горло и оставляли на языке неприятный привкус. Мельдорф не просто рос — он пожирал окрестности, день за днём поглощая новые земли, деревни и человеческие судьбы, чтобы превращать их в топливо для собственных машин.

Сам город возвышался над рекой и прилегающими низинами, представляя собой причудливое нагромождение камня, кирпича, железа и стекла. Над крышами поднимались дымовые трубы, соединённые между собой металлическими мостами и трубопроводами; огромные шестерни медленно вращались внутри открытых механизмов, установленных на фасадах промышленных зданий, а паровые клапаны время от времени выпускали облака белого пара, растворявшиеся среди серого неба. На перекрёстках стояли фонари с магическими сердечниками, отливавшими холодным голубоватым светом даже в дневные часы, а над некоторыми улицами тянулись кабели, по которым передавалась энергия от городских станций. В богатых кварталах эти чудеса инженерной мысли выглядели почти изящно: отполированная латунь, витражные окна, аккуратные мостовые и фасады, украшенные резьбой. Но стоило свернуть в сторону от главных проспектов, как блеск цивилизации быстро тускнел, уступая место копоти, облупившейся штукатурке и тесным переулкам, где солнце редко добиралось до земли.

Мельдорф был городом контрастов, и эти контрасты не просто бросались в глаза — они определяли саму его жизнь. На верхних улицах, где селились богатые купцы, фабриканты и влиятельные семьи, возвышались особняки с высокими окнами, коваными балконами и воротами, охраняемыми наёмными стражниками. По мостовым проезжали экипажи с лакированными дверцами, а за освещёнными витринами дорогих магазинов манекены демонстрировали последние образцы столичной моды. Здесь обсуждали биржевые цены, новые изобретения и политические интриги, попивая кофе из тонкого фарфора и делая вид, будто дым, отравлявший нижние районы, не имел к ним никакого отношения. Внизу, ближе к реке и промышленным каналам, жизнь выглядела совсем иначе. Узкие дома теснились друг к другу, лестницы уходили в подвалы, из окон свисало мокрое бельё, а между лавками и мастерскими беспрерывно сновали рабочие, грузчики, нищие и уличные торговцы. Дети с закопчёнными лицами играли возле сточных канав, пока их родители зарабатывали гроши на фабриках, где один

неверный шаг мог стоить руки, а иногда и жизни. Здесь богатство города ощущалось особенно остро — не по тому, что люди имели, а по тому, чего они были лишены.

Однако настоящая жизнь Мельдорфа начиналась после заката. Когда фабричные гудки смолкали и последние рабочие покидали смены, на улицах зажигались вывески, окрашивая мокрый камень в алые, синие и фиолетовые оттенки. В окнах кабаре появлялись девушки в блестящих платьях и мужчины в дорогих костюмах, из таверн доносились хриплые песни, пьяный смех и звон кружек, а в узких переулках начинали свою работу те, чьи имена редко произносили вслух при свете дня. Под вывесками легальных заведений прятались подпольные игорные дома, тайные бордели, лавки контрабандистов и мастерские, где за соответствующую плату могли изготовить оружие, которое официально не существовало. Здесь продавали краденые артефакты, поддельные документы, запрещённые алхимические смеси и сведения, способные погубить человека быстрее любого клинка. Полиция патрулировала главные улицы, но в глубине нижних кварталов её власть нередко заканчивалась там, где начинались владения преступных синдикатов. Одни банды контролировали рынки и склады, другие держали под своим влиянием целые улицы, а третьи предпочитали оставаться невидимыми, управляя городом через долги, шантаж и убийства. В Мельдорфе закон существовал, но это вовсе не означало, что он принадлежал тем, кто носил форму.

И всё же именно здесь, среди дыма, пара, магических огней и человеческой алчности, находилось место для каждого, кто умел приносить пользу или хотя бы дорого продавать собственные навыки. Изобретатели искали покровителей, торговцы — новые рынки, преступники — лёгкую добычу, а наёмники вроде Алекса — работу, за которую платили достаточно, чтобы рискнуть жизнью. Город не интересовался прошлым тех, кто входил в его ворота, и не задавал лишних вопросов, если у человека имелись деньги, связи и способность постоять за себя. Мельдорф принимал всех — беглецов, авантюристов, убийц, отчаявшихся и тех, кому больше некуда было идти. Но никому не предлагал ничего бесплатно.

Алекс пересёк городские ворота и на мгновение задержал взгляд на раскинувшихся перед ним улицах. Над крышами клубился дым, где-то вдалеке грохотала промышленная машина, а со стороны торгового квартала доносился гул толпы. Он поправил ремень на плече, поправил воротник плаща и направился вглубь Мельдорфа, растворяясь среди прохожих так естественно, словно этот город давно стал ему вторым домом.

Алекс неспешно двигался по улицам Мельдорфа, лавируя между прохожими, торговцами и грузчиками, тащившими на плечах тяжёлые ящики. Город жил собственной, шумной и беспокойной жизнью: где-то грохотали колёса экипажей, с глухим лязгом двигались по рельсам нагруженные вагонетки, а над крышами мастерских то и дело поднимались клубы пара, растворявшиеся в густом дыму фабричных труб. Запахи здесь смешивались в причудливую, порой отвратительную смесь — жареное мясо, дешёвый табак, конский навоз, угольная гарь и едкие испарения алхимических мастерских. Над головами прохожих тянулись провода, закреплённые на железных кронштейнах, а на перекрёстках поблёскивали магические фонари, внутри которых медленно вращались светящиеся кристаллы. Мельдорф не знал тишины, и, судя по всему, совершенно не собирался знакомиться с ней в ближайшее время.

Вскоре Алекс вышел к рынку, занимавшему целую улицу и несколько прилегающих площадей. Здесь торговали всем, что только могло прийти в голову человеку с деньгами и достаточно сомнительными принципами. Под навесами из потемневшей парусины громоздились корзины с фруктами, связки сушёных трав, бутыли с разноцветными жидкостями и клетки, в которых копошились мелкие существа неизвестного происхождения. Между прилавками сновали представители самых разных народов: коренастые гномы в кожаных фартуках спорили о качестве руды, эльфы в длинных дорожных плащах перебирали украшения, а широкоплечие северяне, украшенные костяными подвесками, предлагали покупателям меха и оружие собственного изготовления. Среди них встречались и те, чей облик заставлял задержать взгляд:

люди с кошачьими ушами и гибкими хвостами, покрытые мелкой чешуёй торговцы, существа с необычно вытянутыми черепами и глазами, приспособленными, казалось, к жизни в полной темноте.

— Настоящий зуб болотного пожирателя! Защищает от проклятий, дурного глаза и несчастливой любви! — надрывался сухопарый старик, потрясая перед носом прохожих пожелтевшим клыком.

— Зелье бодрости! Одна капля — и трое суток без сна! — перекрикивал его сосед, невысокий толстяк с багровым носом. — Две капли — и вы сами не захотите спать! Три — и о вас заговорит весь город!

— Не слушайте шарлатанов! — вопила женщина с четырьмя золотыми кольцами в носу, указывая на ряд подозрительно одинаковых амулетов. — Подлинные эльфийские обереги! Заряжены самой лунной магией!

Алекс скользнул взглядом по торговцам и их товарам, не проявив ни малейшего желания задерживаться. За долгие годы он научился отличать действительно полезные вещи от бесполезного хлама, которому искусные мошенники придумывали звучные названия. Судя по количеству покупателей, желающих расстаться с деньгами ради сомнительных чудес, в Мельдорфе подобное ремесло процветало ничуть не хуже металлургии.

Покинув шумный рынок, Алекс свернул на улицу, где лавки постепенно уступали место питейным заведениям, небольшим театрам и увеселительным домам. Здесь воздух был пропитан запахом дорогих духов, крепкого алкоголя и сладковатого дыма, а над дверями заведений покачивались вывески, украшенные изображениями обнажённых красавиц, игральных костей и бокалов. Вдоль тротуаров стояли зазывалы, обещавшие посетителям незабываемые вечера, редкие удовольствия и отдых от всех забот, которые могли преследовать человека в этом беспокойном городе.

Особенно выделялось одно заведение на противоположной стороне улицы. Над входом горела крупная неоновая вывеска с единственным словом — «Блудница». Буквы переливались насыщенным алым светом, временами вспыхивая розовыми искрами, когда заключённый внутри металлической оправы магический кристалл накапливал энергию и вновь питал светящиеся трубки. По краям вывески тянулись декоративные металлические завитки, изображавшие переплетённые тела, а над дверью вращалась небольшая механическая конструкция в виде раскрытого цветка. Выглядело это вызывающе, даже по меркам Мельдорфа, но, судя по оживлению у входа, владельцы прекрасно понимали вкусы своей публики.

Сам бордель занимал трёхэтажное здание из тёмного кирпича с высокими окнами, за которыми колыхались тяжёлые бархатные занавеси. Изнутри доносилась музыка — тягучая мелодия струнных инструментов, перемежавшаяся звонким смехом и гулом голосов. У входа прохожих встречали девушки самых разных народов и рас. Светловолосая эльфийка с длинными острыми ушами опиралась на дверной косяк, лениво крутя в пальцах тонкую цепочку; рядом с ней стояла темнокожая женщина с небольшими рогами, украшенными серебряными кольцами, а чуть поодаль — стройная девушка с пушистым хвостом и кошачьими ушами, которая улыбалась каждому мужчине, задержавшему на ней взгляд. Их наряды мало что оставляли воображению, а движения были отточены до такой степени, что даже обычный жест — поправить волосы или провести пальцами по обнажённому плечу — превращался в приглашение.

— Не проходи мимо, красавчик! — позвала одна из девушек, заметив Алекса. Её голос звучал мягко и певуче, а улыбка обещала куда больше, чем простое знакомство. — У нас найдётся способ заставить тебя забыть обо всех неприятностях.

— Даже о тех, которые ты сам себе устроил, — подхватила другая, окинув его оценивающим взглядом.

Алекс продолжил идти, не сбавляя шага, хотя на мгновение повернул голову в сторону входа. Его взгляд скользнул по алой вывеске, задержался на девушках и вернулся к улице впе-

реди. «Блудница» явно знала, как привлекать клиентов, и, судя по всему, недостатка в них не испытывала. В Мельдорфе даже порок умели превратить в прибыльное предприятие, снабдив его красивой вывеской, магическим освещением и несколькими обещаниями, которые никто не собирался выполнять бесплатно.

Чуть дальше по улице, за рядом дешёвых питейных заведений и лавок, торгующих всевозможной алхимической дрянью, возвышалось здание, заметно отличавшееся от окружающей застройки. Оно было массивным, широким, сложенным из тёмного кирпича и потемневшего камня, а его нижние этажи словно врастали в саму улицу, подпирая верхние ярусы металлическими балками и коваными опорами. Над входом, закреплённая на толстых цепях, висела огромная вывеска с изображением пылающего черепа и надписью «Бар Адского пламени». Буквы отливали раскалённым багрянцем благодаря магическому кристаллу, спрятанному за металлической пластиной, а по краям вывески время от времени пробегали языки искусственного пламени. Даже среди пёстрых огней Мельдорфа это место притягивало взгляд, обещая посетителям не уютную передышку после трудового дня, а нечто куда более шумное, дикое и опасное.

Бар занимал почти всё здание. Его широкие окна были укреплены металлическими решётками, а тяжёлые двери, обитые железом, выглядели так, будто их не раз пытались выбить снаружи — и, возможно, не раз жалели об этом. По обе стороны входа стояли крепкие мужчины в тёмной одежде, внимательно наблюдавшие за улицей. У некоторых под воротниками виднелись татуировки, у других на поясах висели ножны, револьверы или короткие дубинки. Они не зазывали прохожих и не пытались казаться приветливыми; им это было попросту не нужно. Каждый, кто хоть немного знал Мельдорф, понимал, кому принадлежало это место и почему даже самые отъявленные головорезы предпочитали вести себя здесь сдержанно.

За тяжёлыми дверями начинался совершенно другой мир. Стоило войти внутрь, как на посетителя обрушивалась волна звука, жара и движения. Главный зал был огромен: высокий потолок поддерживали толстые чугунные колонны, оплетённые трубами, по которым с шипением проходил пар, а вдоль стен тянулись металлические галереи с балконами, ограждёнными коваными перилами. Над стойкой бара горели ряды красных и янтарных ламп, заключённых в медные корпуса, и их свет отражался в бутылках, расставленных на полках от пола до потолка. Здесь были напитки на любой вкус и кошелёк — от дешёвого мутного пойла, которое разливали рабочим в жестяные кружки, до дорогих настоек с алхимическими добавками, переливавшихся в стекле странными оттенками синего и зелёного. Запах крепкого алкоголя смешивался с табачным дымом, потом, горячим металлом и ароматом жареного мяса, которое готовили на открытой кухне в глубине зала.

Но настоящей душой «Адского пламени» была музыка. Она не служила фоном для разговоров, как в приличных заведениях верхнего города, — она сотрясала стены, заставляла звенеть бутылки и перекрывала даже самые громкие споры. На небольшой сцене в дальнем конце зала выступала живая группа: длинноволосый музыкант в кожаном жилете бил по струнам электрической гитары, соединённой с громоздким усилителем, из которого вырывались хриплые, искажённые аккорды. Рядом барабанщик колотил по металлическим ободам и натянутым мембранам, создавая тяжёлый ритм, а вокалист, хриплый и широкоплечий мужчина с голосом, напоминавшим скрежет железа по камню, выкрикивал слова о крови, свободе и тех, кто никогда не склонит голову перед сильными мира сего. Магические преобразователи, встроенные в аппаратуру, усиливали звук, превращая каждую ноту в физически ощутимую волну. Когда группа делала перерыв, музыку подхватывал специальный проигрыватель — тяжёлый аппарат из латуни, стали и стекла, внутри которого вращался зачарованный диск. Иглы из особого кристаллического сплава считывали записанные на нём звуковые дорожки, и зал снова наполнялся тяжёлыми гитарными риффами, хриплыми голосами и грохочущим ритмом. Для Мельдорфа, где магия соседствовала с паровыми машинами и электрическими механизмами,

подобная техника уже не казалась чудом, хотя многие приезжие всё ещё с удивлением таращились на неё.

Посетители соответствовали заведению. За длинными столами сидели наёмники в потёртых доспехах, охотники за головами с оружием на виду, бывшие солдаты, контрабандисты и люди, чьи лица украшали шрамы, а руки — следы старых ожогов. Здесь можно было встретить эльфа с арбалетом за спиной, гнома, способного одной рукой поднять бочку эля, северянина с топором размером с небольшого человека или зверолюда, чьи острые уши поворачивались на каждый подозрительный звук. Одни играли в карты, громко споря о деньгах и правилах, другие обсуждали последние заказы, а третьи молча сидели над кружками, погружённые в собственные мысли. Время от времени между столами вспыхивали ссоры, кто-нибудь вскакивал на ноги, опрокидывая стул, и тогда окружающие поспешно отодвигались, освобождая пространство для драки. Однако далеко не всегда дело доходило до кулаков: здешние посетители знали, что хозяева не терпят бессмысленного разрушения имущества, и потому даже самые пьяные задиры старались не переходить определённую черту.

За стойкой работали несколько барменов, и каждый из них, казалось, мог одновременно наливать напитки, считать деньги и следить за дракой в противоположном конце зала. Над ними, на втором этаже, тянулись закрытые кабинеты и длинный коридор, куда обычных посетителей не пускали. Там решались вопросы, которые редко обсуждали вслух: распределялись заказы, заключались сделки, определялись цены за головы людей и чудовищ, а порой решалась судьба целых кварталов. Для постороннего «Адское пламя» было шумным баром, где можно напиться, найти работу или заработать несколько синяков. Для тех, кто знал город изнутри, оно являлось куда большим.

Это был штаб авантюристов и охотников за головами, место, где собирались люди, готовые за деньги отправиться в проклятые руины, выследить опасную тварь или разыскать того, чьё имя не следовало произносить при свидетелях. Здесь принимали заказы, оценивали трофеи, проверяли репутацию и договаривались о делах, от которых благоразумные люди держались подальше. И над всем этим стоял человек, которого в Мельдорфе называли местным королём. Не потому, что он носил корону или владел титулом, признанным законом, — власть его была куда практичнее любых дворянских привилегий. Он распоряжался связями, людьми и информацией, контролировал значительную часть подпольного бизнеса и мог одним словом открыть человеку дорогу к богатству или закрыть её навсегда. Даже городские чиновники, публично осуждавшие преступные притоны, предпочитали не вмешиваться в дела «Адского пламени» без веской причины.

Именно поэтому у входа всегда дежурила охрана, а за стойкой никто не задавал лишних вопросов. Здесь могли встретиться враги, которые ещё вчера пытались перерезать друг другу глотки, и заключить сделку за одним столом; здесь убийца мог получить заказ на человека, сидевшего всего в нескольких шагах от него, и спокойно допить кружку, прежде чем отправиться на дело. В «Адском пламени» не требовали быть хорошим человеком. Требовали лишь понимать цену собственных поступков и помнить, что за каждую ошибку рано или поздно приходится платить.

Алекс задержался на противоположной стороне улицы, поднял глаза на пылающую вывеску и прислушался к тяжёлым гитарным аккордам, пробивавшимся даже сквозь закрытые двери. На его лице появилась едва заметная усмешка. Среди всех мест, в которых ему доводилось бывать, подобные заведения обладали одним несомненным преимуществом: здесь редко тратили время на пустые расспросы, зато почти всегда находилась работа. Он поправил ремень, проверил, на месте ли оружие, и направился к входу, где двое охранников уже успели заметить приближающегося незнакомца.

Охрана у входа проводила Алекса внимательными взглядами, но ни один из стражников не стал задавать вопросов. Один лишь коротко кивнул, придерживая тяжёлую дверь, и наём-

ник беспрепятственно вошёл внутрь. На него тут же обрушились грохот барабанов, хриплый рёв электрогитары и сотни голосов, сливавшихся в единый шум. На сцене выступала очередная группа: вокалист, размахивая микрофоном, надрывался над тяжёлым ритмом, а публика перед сценой отплясывала так, словно собиралась проломить пол. Кто-то забрался на стол и поднимал кружку над головой, кто-то спорил о деньгах, перекрикивая музыку, а у дальней стены двое здоровенных наёмников выясняли отношения, пока их товарищи с азартом делали ставки на исход драки. В «Адском пламени» ночь явно была в самом разгаре.

Алекс протиснулся между столами, проигнорировал несколько любопытных взглядов и направился к барной стойке, за которой сновали сразу трое барменов. Один из них, широкоплечий мужчина с густой рыжей бородой и металлическим протезом вместо левой кисти, заметил приближение наёмника и, не дожидаясь заказа, поставил перед ним высокий бокал тёмного эля. Похоже, здесь знали привычки постоянных посетителей или просто умели безошибочно определять людей, которым срочно требовалось выпить. Алекс уселся на свободный стул, положил предплечья на стойку и сделал первый глоток. Холодный эль оказался на удивление хорош, с приятной горчинкой и густой пеной, оставившей след на его верхней губе.

— Тяжёлая ночь? — спросил бармен, вытирая кружку грубым полотенцем.

— Почти, — ответил Алекс и снова приложился к бокалу.

Бармен хмыкнул, всем своим видом показывая, что подобный ответ слышал не впервые, но решил не останавливаться на этом.

— Судя по твоей физиономии, либо заказчик оказался жмотом, либо добыча пыталась тебя сожрать.

— Второе, — невозмутимо отозвался Алекс. — Хотя первое тоже не исключено. Охотился на одну тварь. То ли кикимора, то ли болотный харкожор… Чёрт его знает, как её местные называют. Я бы окрестил эту хрень «глотателем задниц», но вряд ли заказчик оценит такое название в отчёте.

Бармен расхохотался, едва не уронив кружку, которую держал в руке.

— Глотатель задниц? Вот это уже звучит как название для хорошего эля. Надо будет предложить хозяину.

— Не советую. После встречи с этой тварью у меня надолго пропало желание пробовать что-то с новым названием.

Алекс откинулся на спинку стула и, покачав головой, продолжил:

— Эта мерзость утащила меня в подводные каналы. Представь себе: ползёшь по затопленному тоннелю, вокруг ни черта не видно, вода воняет так, будто там неделю разлагалась целая армия, а какая-то шестилапая помесь жука и утопленника пытается откусить тебе голову. И всё это время ты думаешь только о том, сколько тебе заплатят за то, чтобы больше никогда не видеть эту дрянь.

— И ты её всё-таки убил?

— Нет, — сухо ответил Алекс, сделав ещё один глоток. — Мы подружились, и теперь она пишет мне письма по праздникам.

Бармен усмехнулся и покачал головой.

— Значит, убил.

— Сообразительный ты парень.

Алекс поставил бокал на стойку и провёл ладонью по лицу, будто пытаясь стереть с себя воспоминания о проведённых под водой часах.

— Выбрался я на поверхность уже на болотах, весь в грязи, промокший до нитки и злой настолько, что готов был придушить первого встречного. И что ты думаешь? В нескольких шагах от меня парочка решила заняться сексом. Прямо посреди этих проклятых топей. Ни страха, ни мозгов — одна страсть на двоих.

Бармен перестал вытирать кружку и с интересом посмотрел на него.

— И что ты сделал?

— Убил чудовище, забрал трофей, а потом выяснил, что один из влюблённых умудрился попасть под его лапы. Пришлось избавить бедолагу от дальнейших мучений.

— Ты ему помог?

Алекс медленно повернул голову к бармену и посмотрел на него с таким выражением, что тот на мгновение перестал улыбаться.

— Разумеется. Он больше не мучается.

Бармен несколько секунд молчал, после чего громко рассмеялся и хлопнул ладонью по стойке.

— Вот за это я тебя и уважаю, парень. С тобой никогда не знаешь, будет история про охоту или про чью-нибудь похоронную процессию.

— Главное, чтобы платили за обе, — отозвался Алекс и поднял бокал.

Он снова отпил эля, позволяя тяжёлому вкусу напитка перебить болотную вонь, которая, казалось, до сих пор въелась в одежду. За спиной продолжала греметь музыка, зал содрогался от басов, а вокруг кипела привычная жизнь «Адского пламени». Алекс ненадолго прикрыл глаза, наслаждаясь редкой возможностью посидеть спокойно, не рискуя в ближайшую секунду оказаться в чьей-нибудь пасти.

Правда, в Мельдорфе спокойствие редко длилось дольше одного бокала.

Алекс допил эль и, покрутив пустой бокал в пальцах, бросил взгляд на бармена. За те несколько минут, что он провёл у стойки, шум заведения успел смениться: музыканты на сцене закончили песню, встретившуюся с одобрительным рёвом публики, и теперь барабанщик отбивал размеренный ритм, пока вокалист настраивал микрофон для следующего выступления. В воздухе висели табачный дым и запах крепкого алкоголя, а где-то за спиной раздался звон разбитого стекла, сопровождаемый дружным хохотом нескольких посетителей. Алекс не обратил на это внимания. В подобных местах всегда что-нибудь разбивали, кому-нибудь угрожали и время от времени пытались выяснить отношения кулаками. Куда интереснее было узнать, что произошло в городе за время его отсутствия.

— Что слышно в последнее время? — спросил он, придвинув бокал к бармену.

Тот закатил глаза и на несколько секунд задумался, продолжая протирать стойку. Судя по его выражению лица, новостей накопилось столько, что выбрать из них самую скверную было непростой задачей.

— Да так сразу и не скажешь. Город в дерьме, хотя со стороны и не подумаешь. Наверху, на благословенных уровнях, потихоньку стягивают охрану к мосту. Патрулей стало больше, посты усиливают, на въездах проверяют всех подряд. Видимо, боятся, что мы тут наконец решим подняться к ним с визитом.

Алекс усмехнулся и сделал глоток эля, с явным удовольствием смакуя последние слова собеседника.

— Я бы на это посмотрел.

— Ага, — хмыкнул бармен. — Только вот они, похоже, не собираются ждать, пока ты насладишься представлением. Пока богатенькие ублюдки наверху укрепляют свои позиции, внизу люди уже начинают нервничать. Рабочим задерживают жалованье, на складах дорожают припасы, несколько мастерских закрылись после очередных проверок. А когда у людей отбирают последнее, они почему-то начинают задавать неудобные вопросы. Странно, правда?

Он бросил полотенце на плечо и наклонился ближе, понизив голос, хотя перекрывать грохот музыки всё равно приходилось почти криком.

— И это ещё цветочки. За пределами Мельдорфа творится какая-то непонятная хрень, Алекс. Люди пропадают целыми караванами, на дорогах всё чаще находят следы чудовищ, а некоторые поселения вообще перестали выходить на связь. Причём речь не о паре заблудившихся крестьян, которых сожрал волк. Исчезают вооружённые отряды, торговцы с охраной,

даже опытные охотники, которые раньше могли пройти через проклятый лес и вернуться с добычей. Никто не понимает, что происходит, а те, кто утверждает, будто знает правду, почему-то предпочитают не распространяться о ней за пределами своих кабинетов.

Бармен выпрямился и оглядел зал, словно проверяя, не прислушивается ли кто-нибудь к их разговору. Впрочем, в «Адском пламени» подобная осторожность была скорее привычкой, чем необходимостью. Здесь каждый второй промышлял чем-то незаконным, каждый третий имел врагов, а некоторые могли продать родную мать за хорошую цену, если бы нашёлся покупатель.

— С войной тоже всё хуже, — продолжил он. — Границы между государствами меняются чуть ли не каждый месяц. Сегодня один король объявляет, что вернул себе исконные земли, завтра другой отправляет туда армию, чтобы доказать обратное. Торговые пути перекрывают, обозы грабят, наёмников разбирают быстрее, чем мы успеваем разливать эль. И знаешь, что меня беспокоит больше всего? Я не понимаю, сколько ещё «Цербер» собирается держать нейтралитет.

При упоминании этого имени Алекс слегка приподнял бровь, но промолчал, позволяя бармену закончить.

— Каждый второй правитель, каждый богатый ублюдок с армией за спиной и каждый проходимец, дорвавшийся до власти, мечтает заполучить Мельдорф. Одним нужны наши мастерские и технологии, другим — порты и торговые пути, третьим просто хочется посадить свою задницу на трон и объявить себя хозяином города. А некоторые уже открыто предлагают такие деньги, что у меня от одних цифр начинает дёргаться глаз. Всем хочется превратить Мельдорф в свою базу, чтобы отсюда вести войну, торговать оружием и диктовать условия соседям. И плевать им, сколько людей при этом придётся похоронить.

Алекс откинулся на спинку стула, устроившись поудобнее. Он некоторое время молча разглядывал янтарную жидкость в бокале, наблюдая, как пузырьки поднимаются со дна и лопаются на поверхности, после чего негромко усмехнулся.

— Да брось. «Цербер» не настолько болван, чтобы отдать город, который сам же почти и построил. Он слишком долго вкладывался в Мельдорф, чтобы теперь добровольно уступить его первому королю, решившему поиграть в завоевателя.

— Даже если он не собирается отдавать город, это ещё не значит, что ему удастся его удержать, — заметил бармен. — Времена меняются. Раньше достаточно было одного слова «Цербера», чтобы самые отъявленные головорезы прятали оружие и вспоминали о хороших манерах. А теперь у каждого второго за спиной стоит какой-нибудь влиятельный покровитель, обещающий золото, власть и прощение всех старых грехов. Люди становятся жаднее, Алекс. А жадность, как известно, плохо сочетается с верностью.

— Верность вообще редко сочетается с чем-либо, кроме хорошей оплаты, — заметил Алекс.

Бармен фыркнул, но спорить не стал.

— Может, и так. Только если наверху решат действовать всерьёз, всё закончится здесь, на нижних уровнях. Не в их чистеньких кабинетах, не на мостах, где патрули щеголяют новенькими мундирами, а здесь. Среди тех, кому некуда бежать. Они ведь даже не станут спускаться сами, пока не убедятся, что всё уже кончено. Сначала перекроют поставки, потом пришлют солдат, а когда начнётся стрельба, объявят нас кучкой преступников, которых пришлось усмирить ради общего блага.

Алекс медленно повернул бокал в пальцах. На его лице по-прежнему играла лёгкая усмешка, но взгляд стал внимательнее. Он знал Мельдорф достаточно хорошо, чтобы понимать: бармен не преувеличивал. Город мог выглядеть шумным, грязным и безумным, но под его бесконечным гулом скрывалось напряжение, которое рано или поздно должно было

вырваться наружу. Вопрос заключался лишь в том, кто первым решится нанести удар и сколько крови прольётся, прежде чем остальные поймут, что пути назад уже нет.

— Что ж, — произнёс Алекс, поднимая бокал к губам, — надеюсь, когда всё начнётся, кто-нибудь догадается предупредить меня заранее. Терпеть не могу, когда стрельба прерывает выпивку.

Бармен покачал головой, однако на этот раз не рассмеялся. Он молча наполнил бокал Алекса и поставил его перед наёмником, после чего перевёл взгляд на сцену, где музыканты вновь взялись за инструменты. Гитара взревела, барабаны ударили по залу тяжёлой дробью, и гул голосов снова поглотил разговор, словно ничего важного здесь и не произошло. Но Алекс продолжал сидеть, прислушиваясь к музыке и обдумывая услышанное.

Алекс успел сделать ещё пару глотков, прежде чем рядом с ним возник один из охранников «Адского пламени». Высокий, широкоплечий мужчина с коротко остриженными волосами и шрамом, пересекавшим левую щёку, выглядел так, словно его выковали в кузнице вместе с остальным городским железом. Он не стал здороваться и даже не попытался привлечь внимание наёмника жестом, а просто наклонился к нему и что-то негромко прошептал на ухо, стараясь перекрыть рёв музыки. Алекс выслушал его, не меняясь в лице, хотя в глазах на мгновение промелькнуло любопытство. Охранник выпрямился и коротко кивнул в сторону лестницы, ведущей на верхние этажи, давая понять, что его поручение не терпит отлагательств.

Алекс неторопливо допил эль, после чего поставил бокал на стойку и полез во внутренний карман плаща. Вытащив несколько монет, он бросил их перед барменом; металл звякнул о дерево, едва различимо утонув в грохоте барабанов. Наёмник поднялся, поправил ремень с оружием и взглянул на рыжебородого хозяина стойки.

— Видимо, спокойно посидеть сегодня не выйдет.

Бармен усмехнулся, подхватил монеты и ловко смахнул их в ящик под стойкой.

— Не в этой жизни, Блэк.

Алекс хмыкнул, словно услышал нечто до боли знакомое, и последовал за охранником, направляясь к лестнице. Шум главного зала остался позади, постепенно уступая место глухому гулу музыки, пробивавшемуся сквозь стены. Впереди его ждал разговор, ради которого кому-то понадобилось отрывать его от выпивки. А Алекс терпеть не мог, когда его отрывали от выпивки без веской причины.

Поднявшись на второй этаж, Алекс последовал за охранником по длинному коридору, освещённому настенными светильниками в медных корпусах. В отличие от главного зала, где музыка сотрясала стены, а воздух был густым от табачного дыма и запаха алкоголя, здесь царила почти непривычная тишина. Лишь за стенами глухо отдавались тяжёлые гитарные аккорды, перемежавшиеся одобрительными криками посетителей, да временами шипели паровые трубы, проложенные под потолком. Вдоль коридора тянулись двери кабинетов, некоторые из которых охраняли молчаливые люди в тёмных костюмах. При появлении Алекса они провожали его настороженными взглядами, но никто не пытался заговорить или преградить ему путь. Наконец сопровождающий остановился перед массивной дверью из тёмного дерева, укреплённой широкими металлическими полосами и украшенной рукоятью в виде звериной головы. Охранник коротко постучал, дождался негромкого ответа изнутри и распахнул дверь.

Алекс переступил порог и оказался в просторном кабинете, который разительно отличался от шумного заведения этажом ниже. Здесь всё было устроено с расчётом на человека, привыкшего держать окружающих под контролем. Тёмные стены отделаны лакированным деревом и металлическими панелями, между которыми проходили тонкие трубки с мерцающими голубоватыми прожилками магической энергии. Высокие окна занимали почти всю дальнюю стену, открывая вид на ночной Мельдорф: бесчисленные огни нижних кварталов, дымящие фабричные трубы, железные мосты и далёкие силуэты верхнего города, возвышавшегося над промышленной мглой. На стекле отражались алые и синие огни уличных вывесок,

превращая кабинет в причудливое сочетание теней и холодных цветных бликов. В одном из углов тихо работал сложный механизм с вращающимися шестернями и стеклянными колбами, наполненными светящейся жидкостью; время от времени внутри аппарата вспыхивали искры, сопровождаемые едва слышным потрескиванием.

Посреди кабинета стоял широкий письменный стол из почти чёрного дерева. Его поверхность занимали раскрытые папки, карты городских кварталов, несколько запечатанных писем и металлическая подставка с аккуратно разложенными письменными принадлежностями. Рядом лежал массивный револьвер с гравировкой на рукояти, а возле него стоял бокал с тёмным напитком, к которому, судя по отсутствию следов на стекле, давно не притрагивались. За столом возвышалось высокое кресло с кожаной обивкой, а за ним на стене висела большая карта Мельдорфа, испещрённая цветными отметками, тонкими линиями маршрутов и небольшими металлическими жетонами. Некоторые районы были обведены красным, другие отмечены синими булавками, а несколько участков нижнего города перечёркнуты чёрными линиями. Это была не просто карта — скорее, схема власти, показывающая, кому принадлежали улицы, где проходили торговые пути и какие места следовало обходить стороной даже тем, кто считал себя неуязвимым.

В глубине кабинета, возле окна, стоял хозяин помещения. Он был худощавым мужчиной среднего роста, одетым в безупречно скроенный тёмный костюм с высоким воротником и узкими лацканами. Его тёмные волосы были зачёсаны назад, подчёркивая острые черты лица, тонкие губы и глубокие складки у рта. Одну сторону лица пересекали старые шрамы, уходившие от виска к скуле и терявшиеся у линии челюсти; кожа вокруг повреждённого глаза имела нездоровый оттенок, а сам глаз поблёскивал мутным, почти стеклянным блеском. В его облике не было ничего от шумных, самодовольных главарей, любивших окружать себя золотом и вооружённой свитой. Этот человек не нуждался в демонстрации силы. Он выглядел так, будто давно усвоил простую истину: страх гораздо полезнее, когда его не приходится подкреплять криком.

На нём не было ни дорогих украшений, ни броских знаков власти — только перстень с тёмным камнем на правой руке и тонкая цепочка, уходившая под ворот рубашки. Однако стоило ему повернуть голову в сторону вошедшего, как внимание невольно сосредотачивалось на нём. Его единственный здоровый глаз смотрел спокойно и пристально, оценивая Алекса с тем холодным интересом, с каким опытный игрок изучает соперника перед началом партии. Мужчина держал в руке тонкую сигарету, от которой поднималась едва заметная струйка дыма. Он не спешил заговорить, позволяя паузе затянуться ровно настолько, чтобы она стала ощутимой.

Охранник закрыл за Алексом дверь и остался снаружи. Хозяин кабинета сделал последнюю затяжку, аккуратно погасил сигарету в тяжёлой пепельнице и наконец повернулся к наёмнику всем корпусом.

— Блэк, — произнёс он негромко, без приветственной улыбки, но и без враждебности. — Я слышал, ты вернулся с болот.

Он бросил короткий взгляд на одежду Алекса, на засохшую грязь у подола плаща и на следы недавней схватки, которые тот не сумел полностью скрыть.

— Судя по твоему виду, встреча прошла… плодотворно.

Мужчина вернулся к столу, положил ладонь на край карты и чуть наклонил голову.

— Присаживайся. Нам нужно поговорить. И на этот раз дело не в очередной твари, которую требуется вытащить из какой-нибудь вонючей дыры.

— Маркус Кинг, он же «Цербер», — начал Алекс, оглядывая хозяина кабинета с привычной насмешливостью. — Чем обязан такой аудиенции? Неужели ты наконец решил наградить меня за многолетнюю преданность и подарить собственную фабрику? Желательно такую, где не приходится каждый второй день выковыривать из оборудования чьи-нибудь внутренности.

Не дожидаясь приглашения, он обошёл письменный стол, стоявший неподалёку от окна, и опустился в массивное кожаное кресло напротив Маркуса. Тот лишь скользнул по нему взглядом, не став комментировать ни вольности гостя, ни его очередную попытку пошутить. Алекс устроился поудобнее, закинул руку на подлокотник и посмотрел на хозяина кабинета, ожидая ответа. За долгие годы они успели пройти вместе через слишком многое, чтобы тратить время на церемонии. Маркус мог сколько угодно изображать из себя недосягаемого властителя Мельдорфа, но Алекс помнил времена, когда у того не было ни этого кабинета, ни вооружённой охраны за дверью, ни целого города, который он мог бы назвать своим.

Маркус, однако, не спешил отвечать. Он стоял возле письменного стола, опустив взгляд на разложенные перед ним бумаги, и медленно водил пальцем по краю одного из документов. Со стороны могло показаться, что он просто обдумывает, с чего начать разговор, но Алекс слишком хорошо знал своего старого знакомого. Напряжение выдавали мелочи: чуть сильнее сжатые губы, неподвижность плеч, непривычно долгие паузы между движениями. Маркус Кинг редко позволял себе терять самообладание, особенно в присутствии тех, кто мог воспользоваться его слабостью. Если он решил вызвать Алекса лично, вместо того чтобы передать поручение через посредников, значит, дело действительно было серьёзным.

Наконец Маркус оставил бумаги на столе, медленно поднялся и направился к высоким окнам. За толстым стеклом раскинулся ночной Мельдорф: бесчисленные огни нижних кварталов, красные вывески увеселительных заведений, голубоватое свечение магических фонарей и клубы дыма, поднимавшиеся над фабричными трубами. Далеко вверху, за переплетением мостов и металлических конструкций, виднелись освещённые улицы богатых районов, где жизнь текла совсем иначе. Отсюда город казался единым целым, огромным механизмом, каждая шестерёнка которого занимала своё место. Но Маркус знал, насколько обманчивым было это впечатление. Стоило вынуть всего несколько деталей — и весь механизм мог развалиться.

— Дело дрянь, Алекс, — наконец произнёс он, не отрывая взгляда от города. Голос звучал ровно, но в нём чувствовалась усталость, которую Маркус обычно скрывал даже от ближайших соратников. — Я теряю контроль над Мельдорфом.

Алекс слегка приподнял бровь, но ничего не сказал, позволяя ему продолжать.

— В последние месяцы ко мне приходят люди со всех концов света. Представители знатных домов, военные, торговые магнаты, посланники каких-то королевских советников. Одни предлагают деньги, другие — земли и титулы, третьи обещают обеспечить мне безопасность, если я соглашусь передать им город. Причём суммы называют такие, что на эти деньги можно купить небольшое королевство вместе со всеми его обитателями. — Маркус на мгновение замолчал, а затем добавил: — И самое любопытное, что никто из них даже не пытается скрыть, зачем им нужен Мельдорф. Им нужны наши заводы, наши мастерские, наши каналы поставок и, конечно, наши люди. Они хотят превратить город в собственную военную базу, а меня оставить либо почётным наместником, либо трупом в канаве. В зависимости от того, насколько щедрыми они окажутся в день переговоров.

Алекс медленно покачал головой. На его лице не осталось и следа прежней насмешки, хотя голос по-прежнему звучал спокойно.

— Только скажи мне, что ты не принял их предложения.

Маркус повернулся к нему. На несколько мгновений мужчины встретились взглядами, и в этой короткой паузе прозвучало больше, чем в любом ответе. Алекс откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы и продолжил, уже без улыбки:

— Маркус, ты построил этот город. Ты собрал вокруг себя людей, которым больше некуда было идти, превратил несколько грязных промышленных кварталов в место, с которым вынуждены считаться короли и военачальники. Ты показал всем, кто здесь власть. Вернее, ты показал им, кто здесь власть, пока я по твоему приказу топил улицы в крови. — Он чуть наклонил

голову. — Сколько людей я убил, чтобы ты мог сидеть в этом кресле? Сколько конкурентов исчезло, сколько предателей лишилось головы, сколько чужих армий повернуло обратно, когда поняло, что Мельдорф им не по зубам? И теперь ты собираешься отдать всё это первому богатею, который выложит на стол достаточно золота?

Он произнёс последние слова без повышения голоса, но от прежней лёгкости не осталось ничего. Алекс не угрожал и не пытался унизить Маркуса; он просто напоминал ему о цене, которую они оба заплатили за своё положение. За этими стенами, среди чертежей, карт и дорогой мебели, легко было забыть, что власть не свалилась Маркусу с небес. Она была вырвана из чужих рук, оплачена предательствами, бессонными ночами и трупами тех, кто считал себя достаточно сильным, чтобы бросить ему вызов.

Алекс выдержал короткую паузу и добавил:

— Я не прошу тебя быть благодарным. Мы оба прекрасно знаем, что благодарность — дерьмовая валюта, когда речь идёт о власти. Но не говори мне, что всё это можно продать и спокойно отправиться на покой. Ты ведь не для этого строил Мельдорф, Цербер.

— Ты меня за идиота считаешь?!

Маркус резко развернулся от окна, и на этот раз скрыть раздражение ему не удалось. Его здоровый глаз опасно сузился, а губы искривились в недовольной гримасе. На мгновение в его облике проступило нечто куда более грозное, чем привычная холодная рассудительность хозяина Мельдорфа. Перед Алексом стоял человек, который привык сам решать, кому жить, кому умирать и кто будет распоряжаться его городом, и сама мысль о том, что кто-то мог усомниться в его решимости, задевала его сильнее любых угроз.

— Я, по-твоему, настолько обмяк, что готов продать собственный город первому ублюдку с мешком золота?!

Алекс посмотрел на него несколько секунд, после чего на его лице появилась широкая, совершенно невозмутимая улыбка.

— А вот теперь я узнаю старого Маркуса. — Он откинулся на спинку кресла и устроил руку на подлокотнике. — А то я уж начал думать, что ты обзавёлся совестью, решил остепениться и выращивать розы где-нибудь за городом. Так в чём, собственно, проблема?

Маркус смерил его тяжёлым взглядом, но спорить не стал. Он обошёл стол и опустился в своё кресло, медленно сцепив пальцы в замок. Несколько мгновений мужчина молчал, собираясь с мыслями, и, когда заговорил вновь, его голос стал заметно тише. От этого слова прозвучали только весомее.

— Сегодня состоится встреча крупнейших предприятий Мельдорфа. Владельцы заводов, хозяева литейных мастерских, торговые магнаты, банкиры, поставщики оружия… В общем, весь цвет нашего замечательного общества. — Он криво усмехнулся. — Отпетые мошенники, уголовники, спекулянты и ублюдки, которые продали бы собственную мать, если бы это принесло им дополнительную прибыль. Но именно на них держится экономика города. Они контролируют производство, торговлю, снабжение и половину денежных потоков, проходящих через Мельдорф. Я могу сколько угодно изображать из себя короля, но даже королю иногда приходится считаться с теми, кто наполняет его казну.

— Какое трогательное признание, — заметил Алекс. — Продолжай, я почти расчувствовался.

Маркус проигнорировал выпад. Он разомкнул пальцы, положил ладони на стол и внезапно ударил кулаком по деревянной столешнице. Чернильница подпрыгнула, несколько листов соскользнули на пол, а тяжёлый бокал возле края стола жалобно звякнул.

— Но эти твари решили пойти против МЕНЯ!

Последнее слово он буквально выплюнул, и на несколько секунд в кабинете повисла тишина. Даже сквозь закрытую дверь музыка из главного зала теперь казалась далёкой и при-

глушённой. Маркус тяжело выдохнул, словно пытался подавить желание разбить что-нибудь ещё, после чего откинулся в кресле и провёл пальцами по шрамам на лице.

Алекс тем временем оглядел кабинет, будто внезапный взрыв ярости хозяина совершенно не заслуживал его внимания. Его взгляд остановился на девушке, стоявшей возле боковой двери. Одета она была почти как официантка: короткая чёрная юбка, белая блузка, переделанная таким образом, что от первоначального наряда остались главным образом рукава и воротничок, да узкий фартук, едва прикрывавший бёдра. Девушка держалась тихо, стараясь не привлекать внимания, и, судя по тому, как ловко она переминалась с ноги на ногу, давно привыкла обслуживать людей, чьё настроение могло измениться быстрее, чем содержимое бокала.

Алекс поднял руку и лениво поманил её пальцем.

— Красавица, принеси-ка нам бутылку виски. И два стакана. Похоже, разговор предстоит долгий.

Девушка коротко кивнула и поспешила исполнить поручение. Алекс проводил её взглядом, после чего повернулся к Маркусу с невинным выражением лица, словно только что не произошло ничего интересного. Хозяин кабинета лишь устало прикрыл глаза, явно решив, что замечание по поводу манер наёмника сейчас будет наименее полезной частью разговора.

Через минуту девушка вернулась с бутылкой тёмного стекла и двумя тяжёлыми стаканами на подносе. Она аккуратно поставила всё на стол, стараясь не вмешиваться в разговор и не встречаться взглядом с мужчинами. Алекс, однако, успел заметить, как она наклонилась, расставляя посуду, и, когда девушка уже собиралась уйти, шутливо хлопнул её по ягодицам. Та вздрогнула и обернулась, бросив на него удивлённый взгляд, но Алекс лишь одарил её своей привычной кривой усмешкой.

— Благодарю за обслуживание.

Девушка покачала головой, скрывая улыбку, и поспешно вышла из кабинета, закрыв за собой дверь.

Маркус посмотрел на Алекса долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты когда-нибудь повзрослеешь, Блэк?

Алекс уже открывал бутылку.

— А зачем? Посмотри, что стало с тобой. Сидишь в кабинете, бьёшь кулаком по столу и жалуешься на своих деловых партнёров. Ещё немного — и начнёшь читать нравоучения о пользе здорового сна.

Он разлил виски по стаканам и подвинул один к Маркусу.

— А теперь давай вернёмся к нашим ублюдкам. Что именно они задумали и почему ты решил, что без меня сегодня не обойтись?

— Потому что в своём деле тебе нет равных, — ответил Маркус, наконец усаживаясь поудобнее. Он взял стакан, покрутил его в пальцах, но пить не спешил. — Ты можешь снести человеку башку без малейших угрызений совести, если решишь, что он того заслуживает. И, что самое паршивое, тебе даже не нужно для этого злиться. Помню твой бой на арене. До сих пор иногда вспоминаю, когда кто-нибудь из моих людей начинает рассуждать о том, какой он непобедимый.

Алекс чуть отклонился назад, и на его лице появилась неторопливая улыбка человека, которому напомнили о приятном вечере из далёкого прошлого. Он провёл большим пальцем по краю стакана, словно пытаясь восстановить в памяти подробности давно минувшего события.

— А, арена… — протянул он. — Да, было дело.

— Было дело? — Маркус недоверчиво усмехнулся. — Блэк, ты одним ударом отправил моего лучшего бойца на тот свет! Одним, мать твою, ударом! Ты ему нахрен челюсть снёс, а потом стоял посреди арены с таким видом, будто случайно уронил кружку. Мне пришлось

заплатить судьям, чтобы они признали бой законченным, иначе толпа потребовала бы продолжения. А мой боец, между прочим, считался лучшим гладиатором в нижнем городе!

Алекс тихо рассмеялся и сделал глоток виски.

— Ну, если он был твоим лучшим бойцом, то боюсь представить, кого ты держал на втором месте.

— Вот за это я тебя и ненавижу, — проворчал Маркус, хотя в его голосе уже не было прежней злости. — С тобой невозможно нормально поговорить.

— Неправда. Просто ты слишком часто говоришь глупости, а я не могу позволить тебе продолжать в том же духе. Это было бы безответственно с моей стороны.

Маркус покачал головой, но спорить не стал. Он поднял стакан, сделал небольшой глоток и поставил его на стол. На этот раз его лицо снова стало серьёзным, а взгляд — холодным и сосредоточенным.

— Но ладно. Хватит вспоминать старые добрые времена. Я ведь тоже не сидел сложа руки, пока ты шлялся по болотам и играл в героя. Нашёл замену этим говнюкам. Людей, которые готовы занять их места, вложить деньги в производство и продолжить снабжать город всем необходимым. У них есть связи, ресурсы и, что самое главное, они понимают, с кем имеют дело.

Он подался вперёд, уперев локти в стол, и сцепил пальцы в замок.

— Осталось только избавиться от нынешних партнёров. Сегодня они соберутся все вместе, под одной крышей, уверенные, что могут диктовать мне условия. Они считают, будто я настолько ослаб, что буду вынужден торговаться за собственную власть. — Маркус усмехнулся, но улыбка вышла неприятной. — Я хочу, чтобы к концу вечера они поняли, насколько сильно ошибались.

Алекс покрутил стакан, наблюдая, как виски оставляет янтарные следы на стекле. Затем поднял взгляд на Маркуса.

— И ты хочешь, чтобы я присутствовал на этой встрече.

— Не просто присутствовал, Алекс. — Маркус выдержал короткую паузу. — Я хочу, чтобы ты проследил за тем, чтобы никто из них не покинул её раньше времени.

Алекс медленно улыбнулся.

— Вот теперь разговор становится интересным.

Маркус внезапно хлопнул в ладони, и звук сухо прозвучал в просторном кабинете. За дверью послышались тяжёлые шаги, затем раздался скрип петель, и внутрь вошли двое охранников, волочивших между собой избитого мужчину. Его ноги бессильно скользили по полу, голова безвольно моталась из стороны в сторону, а лицо превратилось в кровавое месиво из синяков, ссадин и рассечённой кожи. На дорогом некогда сюртуке темнели пятна крови, один рукав был разорван, а дыхание вырывалось из груди короткими, хриплыми толчками. Охранники дотащили пленника до середины комнаты и без лишних церемоний бросили на пол. Мужчина глухо охнул, попытался перевернуться на бок, но тут же закашлялся, оставляя на губах кровавую пену.

Алекс неторопливо поставил стакан на стол и посмотрел на незваного гостя. Даже в таком состоянии его лицо показалось ему знакомым. Наёмник чуть склонил голову, припоминая, где мог видеть этого человека, после чего в уголке его рта появилась понимающая усмешка.

— Алекс, помнишь мистера Берка? — спросил Маркус, обходя письменный стол.

— Ещё бы. — Алекс откинулся на спинку кресла. — Тот самый торговец магической химией, после которой люди начинают разговаривать с собственными тенями, жрать штукатурку и выламывать себе зубы, потому что им кажется, будто под ними прячутся черви. Полезный бизнес, ничего не скажешь.

Берк слабо застонал, услышав собственное имя, и попытался приподнять голову. Его взгляд метнулся от Маркуса к Алексу, задержался на последнем и тут же опустился. Похоже, он прекрасно понимал, кто перед ним, и от этого осознания ему становилось только хуже.

— Именно, — процедил Маркус.

Он обошёл стол и остановился возле лежавшего на полу мужчины. Несколько мгновений Цербер молча смотрел на него сверху вниз, словно пытался решить, с какой части тела удобнее начать разговор. Затем его лицо исказилось от ярости, и он резко ударил Берка носком сапога в бок. Тот согнулся, издав сдавленный стон, но Маркус уже занёс ногу для следующего удара.

— Вот этот! — выкрикнул он, пнув пленника в живот.

Берк свернулся, пытаясь защитить повреждённые рёбра руками.

— Вонючий! — Маркус ударил его снова, на этот раз по бедру. — Кусок! — Ещё один удар пришёлся в бок. — Дерьма!

Алекс молча наблюдал за происходящим, слегка приподняв бровь. Он видел Маркуса разным: расчётливым дельцом, хладнокровным убийцей, человеком, способным улыбаться собеседнику, пока решает, куда лучше спрятать его труп. Но подобную ярость тот демонстрировал нечасто. И если уж Цербер позволял себе сорваться настолько, значит, Берк действительно сумел задеть его за живое.

— Сын! — выкрикнул Маркус, с силой наступив сапогом на пол рядом с головой пленника. — Гребаной! — Он схватил Берка за воротник и рывком приподнял его над полом. — Шлюхи!

Лицо Маркуса оказалось совсем близко к разбитой физиономии торговца. Его здоровый глаз горел холодной ненавистью, а голос, до этого звучавший почти спокойно, теперь срывался на хриплый рык.

— У них! — Он встряхнул Берка так, что тот едва не потерял сознание. — За главного!

Маркус отпустил его, и мужчина рухнул обратно на пол. Несколько секунд в кабинете слышалось только тяжёлое дыхание Цербера да хриплый кашель пленника. Охранники у двери стояли неподвижно, словно подобные сцены давно перестали их удивлять.

Алекс взял свой стакан, сделал небольшой глоток и посмотрел на Маркуса поверх края стекла.

Алекс некоторое время молча смотрел на избитого Берка, после чего перевёл взгляд на Маркуса и допил остатки виски. Судя по всему, хозяин кабинета наконец выплеснул достаточно злости, чтобы вернуться к делам, а сам разговор подходил к концу. Наёмник поставил стакан на стол, поднялся из кресла и поправил длинный плащ, стряхивая с рукава невидимую пыль.

— Ладно, Маркус, я тебя понял. Дай мне адрес, где состоится встреча, и к вечеру твоя проблема будет решена. — Алекс направился к двери, на ходу проверяя, надёжно ли закреплены ножны за спиной. — Правда, насчёт чистоты работы никаких гарантий не даю. Сам знаешь, я не из тех, кто оставляет после себя идеально прибранную комнату.

— Стой!

Резкий окрик заставил Алекса остановиться у самой двери. Он медленно повернул голову, посмотрев на Маркуса через плечо. Тот уже успел немного успокоиться и теперь стоял рядом с письменным столом, глядя на пленника с выражением человека, которому пришла в голову важная мысль.

— Возьми его голову, — произнёс Цербер, кивнув на Берка.

Алекс несколько секунд молча смотрел на него, после чего чуть приподнял бровь.

— Его голову? — переспросил он. — Маркус, я, конечно, понимаю, что ты любишь сувениры, но обычно люди ограничиваются вином или какой-нибудь безделушкой. Ты же решил сразу перейти к анатомии.

Маркус даже не улыбнулся.

— Мне нужно, чтобы они поняли, что это не пустые угрозы. Принеси её на встречу. Пусть каждый из этих ублюдков увидит, чем заканчивается попытка сыграть против меня.

Алекс перевёл взгляд на Берка, который, услышав эти слова, попытался отползти к стене, оставляя на полу кровавый след. Наёмник тяжело вздохнул, словно ему только что сообщили о необходимости выполнить ещё одну неприятную работу без дополнительной оплаты.

— Прекрасно. Значит, сегодня у меня будет не только встреча, но и багаж.

Он снова посмотрел на Маркуса, и на его губах появилась едва заметная усмешка.

— Надеюсь, ты хотя бы оплатишь мне дорогу. Голову, знаешь ли, не всегда удобно нести под мышкой.

Ночь опустилась на Мельдорф, укрыв его бесконечные улицы густой тенью, в которой тусклые огни магических вывесок казались особенно яркими, а дым из фабричных труб медленно растворялся в низких облаках. В самых отдалённых кварталах города, там, где шум центральных улиц сменялся редкими стуками металлических механизмов и глухим гудением промышленных установок, состоялась встреча, которой многие из присутствующих ждали уже не первый день. Место выбрали не случайно: старое здание, затерянное среди заброшенных складов и давно неиспользуемых производственных цехов, практически не привлекало внимания прохожих. Его стены из потемневшего кирпича были покрыты копотью, а высокие окна, затянутые грязью и пылью, почти не пропускали свет. Снаружи всё выглядело так, словно внутри давно никто не появлялся, однако за тяжёлыми дверями горели лампы, освещая просторное помещение, в котором собрались люди, привыкшие решать судьбы целых районов одним подписанным документом или коротким приказом.

Каждый из присутствующих прекрасно понимал цену этой встречи. Здесь не было случайных гостей, не было и тех, кто мог позволить себе бездумно рисковать собственным положением. За столом собрались влиятельные промышленники, владельцы крупных торговых домов, представители сомнительных предприятий и люди, чьё богатство выросло на контрабанде, незаконных поставках магических веществ и чужих несчастьях. Их объединяли деньги, власть и общая уверенность в том, что Маркус Кинг слишком долго распоряжался Мельдорфом так, словно город принадлежал ему одному. Многие из них годами мирились с его правилами, платили назначенную им цену и предпочитали не задавать лишних вопросов, пока его власть обеспечивала им прибыль и относительную безопасность. Но теперь прежние договорённости перестали устраивать обе стороны, и те, кто ещё недавно называл Маркуса необходимым злом, начали считать его препятствием, от которого пора избавиться.

У большого стола, занимавшего почти весь центр комнаты, постепенно стихли последние разговоры. На его потёртой поверхности лежали карты городских кварталов, несколько исписанных листов и папки с документами, которые участники встречи принесли с собой. Кто-то стоял, опираясь ладонями о столешницу, кто-то держался чуть поодаль, внимательно наблюдая за остальными, — каждый старался выглядеть уверенно, хотя за спокойными лицами скрывались собственные расчёты и опасения. Никто не хотел первым показывать сомнения. Все пришли сюда с одной целью и каждый считал, что именно его решение станет для города правильным, а для него самого — выгодным.

Разговор наконец перешёл к главному. Присутствующие начали обсуждать, каким образом лишить Маркуса Кинга власти, на кого можно опереться в предстоящем противостоянии и что потребуется сделать, чтобы после его падения Мельдорф не погрузился в хаос. Одни настаивали на том, что действовать нужно быстро, пока Цербер не узнал об их намерениях; другие предпочитали осторожность, понимая, что прямое столкновение с человеком, который годами удерживал город в своих руках, может обойтись слишком дорого. Но, несмотря на разногласия в деталях, в одном они сходились безоговорочно: прежний порядок должен был закончиться. И этой ночью они собрались не для того, чтобы в очередной раз пожаловаться на Маркуса, а для того, чтобы наконец решить, как его свергнуть

Обсуждение было в самом разгаре, когда тишину внезапно разорвал глухой удар. На массивную столешницу с неприятным грохотом опустилась тяжёлая дорожная сумка, заставив лежавшие на ней бумаги сдвинуться, а один из подсвечников опасно качнуться на металлическом основании. Несколько человек невольно отшатнулись, не сразу осознав, откуда взялся незваный гость и каким образом ему удалось подобраться так близко. Ещё мгновение назад каждый из присутствующих был уверен, что здание надёжно охраняется, что все входы находятся под контролем и никто не сможет проникнуть внутрь незамеченным. Теперь эта уверенность рассыпалась быстрее, чем пламя в лампах успело дрогнуть от сквозняка.

Охрана среагировала почти одновременно. Один из телохранителей выхватил меч, другой потянулся к кинжалу на поясе, а третий вскинул револьвер, направив ствол в сторону тёмного угла помещения. Остальные принялись оглядываться, пытаясь разглядеть того, кто посмел явиться на их тайное собрание столь бесцеремонно. Света ламп хватало, чтобы осветить стол и лица собравшихся, но дальняя часть комнаты оставалась погружённой в густую тень, и за её границей невозможно было разобрать даже силуэт незнакомца.

— Открывай! — раздался из темноты мужской голос.

Требование прозвучало громко и властно, без малейшего намёка на сомнение или беспокойство. Незнакомец не стал объяснять, кто он такой, не потребовал внимания и не предложил переговоров. Он просто приказал, словно имел полное право распоряжаться людьми, собравшимися в этой комнате.

Мятежники переглянулись. Несколько человек обменялись настороженными взглядами, пытаясь понять, кто из них мог привести за собой постороннего и не являлось ли происходящее ловушкой. Женщина в красном платье, до этого молча наблюдавшая за спором, медленно выпрямилась. Её взгляд задержался на сумке, лежавшей посреди стола, затем скользнул в сторону тёмного угла, откуда прозвучал приказ. Она явно не собиралась позволять страху взять над собой верх, по крайней мере на глазах у остальных.

— Не двигаться, — бросила она охране, прежде чем кто-либо успел возразить.

Женщина подошла к столу. На мгновение её пальцы замерли над застёжкой, словно даже она, несмотря на показную решительность, понимала, что внутри может оказаться нечто куда более неприятное, чем обычное послание. Затем она расстегнула сумку и откинула край плотной ткани.

В комнате повисла тяжёлая тишина.

Внутри лежала человеческая голова. Лицо было обезображено побоями, кожа покрыта засохшей кровью, а выражение застывших черт сохраняло следы ужаса, пережитого перед смертью. Но даже после всего, что с ним сделали, некоторые из присутствующих узнали его сразу.

Мистер Берк.

Человек, чьё имя ещё недавно звучало в разговорах о грядущем перевороте, теперь лежал на столе перед собственными сообщниками, превращённый в жуткое предупреждение. Женщина в красном платье медленно подняла взгляд от сумки. На её лице впервые проступило нечто большее, чем настороженность: холодное осознание того, что их тайное собрание уже не было таким тайным, как они надеялись.

— Ну нахрен, я на такое не подписывался!

Голос принадлежал мужчине, больше похожему на огра, чем на человека. Широкие плечи, массивная шея и грубое, словно высеченное из камня лицо делали его похожим на вышибалу из самого грязного портового кабака. До этого он стоял у дальнего края стола, молча наблюдая за происходящим, но при виде головы Берка вся его уверенность испарилась. Мужчина прекрасно понимал, что подобные предупреждения не разбрасывают ради пустого представления, а если кто-то сумел проникнуть сюда, миновать охрану и оставить на столе голову одного из участников заговора, значит, их положение было куда хуже, чем он предполагал.

Он резко отступил от стола, задев стоявший рядом стул, который с противным скрежетом проехался по каменному полу. Несколько человек обернулись к нему, однако мужчина уже не обращал на них внимания. Ему хотелось лишь одного — убраться отсюда, пока происходящее не превратилось в настоящую бойню. Он направился к выходу, тяжело ступая по полу и раздражённо отмахиваясь от тех, кто пытался загородить ему дорогу.

— Я в этом участвовать не собираюсь! Сами разбирайтесь со своим Цербером!

Он не успел сделать и нескольких шагов.

Из глубины помещения донёсся сухой щелчок выстрела, оглушительно громкий в замкнутом пространстве. Мужчина дёрнулся, словно его резко толкнули в спину, а затем замер. Пуля угодила точно между глаз. На мгновение его массивная фигура ещё сохраняла равновесие, после чего колени подломились, и тяжёлое тело рухнуло на каменный пол. Удар отозвался глухим эхом под высокими потолками, а по комнате прокатился короткий звон — кто-то в испуге выронил оружие.

Все взгляды разом устремились в сторону выстрела.

Вдали, у самой границы света и тени, стоял Алекс Блэк. В одной руке он держал револьвер, направленный вниз, а из раскалённого дула медленно тянулась тонкая струйка дыма, постепенно растворяясь в полумраке. Длинный тёмный плащ почти сливался с окружающей тьмой, и лишь лицо наёмника оставалось достаточно освещённым, чтобы присутствующие могли разглядеть его спокойное выражение. В нём не было ни ярости, ни заметного возбуждения после выстрела. Алекс выглядел так, словно только что устранил досадную помеху, возникшую на пути к месту назначения, и теперь ожидал, когда остальные наконец поймут, что произошло.

Он медленно убрал револьвер, не сводя взгляда с собравшихся. Никто не спешил двигаться. Ещё несколько секунд назад эти люди обсуждали, как лишить власти Маркуса Кинга, строили планы и рассуждали о будущем Мельдорфа, будучи уверенными, что за закрытыми дверями им ничего не угрожает. Теперь один из них лежал мёртвым у выхода, голова Берка покоилась в раскрытой сумке на столе, а человек, устроивший всё это, стоял перед ними с таким видом, будто именно они заставляли его тратить время на пустые разговоры.

Алекс сделал ещё один шаг вперёд, и звук его сапог, негромко ударивших по каменному полу, заставил нескольких присутствующих инстинктивно отступить. Он не торопился, не пытался укрыться в тени и даже не поднял оружия, словно совершенно не замечал десятков напряжённых взглядов, направленных на него. В его походке не было ни осторожности, ни сомнения, а на лице сохранялось то же холодное спокойствие, с которым он вошёл в это помещение. Казалось, наёмник намеренно давал собравшимся время осознать собственное положение, позволяя страху постепенно вытеснить из их голов остатки уверенности.

Женщина в красном платье первой нарушила тишину.

— Огонь!

Её крик прозвучал резко, почти истерично, и в ту же секунду помещение взорвалось грохотом выстрелов. Охрана открыла огонь практически одновременно: револьверы выплёвывали огонь и дым, свинцовые пули одна за другой врезались в фигуру Алекса, рвали ткань его чёрного плаща и пробивали тело. Кто-то стрелял с расстояния нескольких шагов, кто-то торопливо перезаряжал оружие, едва успевая прицелиться перед следующим выстрелом. Грохот многократно отражался от кирпичных стен и металлических балок, сливаясь в оглушительный гул, сквозь который невозможно было расслышать ни криков, ни команд. В воздухе быстро распространился едкий запах пороха, а густой дым начал затягивать пространство между столом и дальним концом зала.

Они стреляли до тех пор, пока в барабанах не закончились патроны. Последние выстрелы прозвучали с короткими промежутками, после чего помещение постепенно погрузилось в оглушительную тишину, нарушаемую лишь звоном остывающих гильз, падавших на каменный

пол. Стрелявшие продолжали держать оружие наготове, тяжело дыша и всматриваясь в клубы порохового дыма, не решаясь первыми опустить стволы. Никто не сомневался, что после такого залпа от незваного гостя не должно было остаться ничего, кроме изрешечённого тела.

Алекс стоял неподвижно ещё несколько мгновений, затем его ноги подогнулись. Он опустился на колени, тяжело ударившись ими о пол, и наклонил голову. Из многочисленных ран на одежде проступала кровь, тёмными пятнами расползаясь по чёрной коже плаща. Под ним медленно растекалась багровая лужа, отражавшая колеблющийся свет ламп и мутные отблески магических светильников. Его руки безвольно опустились вдоль тела, а дыхание стало едва заметным. Со стороны казалось, что стрелявшие наконец добились своего.

Женщина в красном платье осторожно выглянула из-за стола. На её лице ещё сохранялось напряжение, но в глазах уже мелькнуло облегчение. Кто-то из охранников негромко выругался, другой опустил револьвер и принялся перезаряжать его дрожащими пальцами. Они смотрели на распростёртого перед ними наёмника, постепенно убеждаясь в том, что опасность миновала, и никто из них не заметил, как Алекс медленно поднял голову.

Перед его лицом на полу блестела кровь. В тёмной, неровной поверхности багровой лужи отражался силуэт человека, склонившегося над собственным отражением, и Алекс несколько секунд молча всматривался в него. Но отражение было неправильным. Оно словно принадлежало кому-то другому — существу, лишь отдалённо напоминавшему того мужчину, которым он привык себя считать.

В этот раз всё было иначе.

В его глазах больше не оставалось привычного человеческого выражения. Черты лица исказились, кожа приобрела мертвенную бледность, а вокруг глаз проступили тёмные, почти чёрные прожилки, похожие на трещины, расползавшиеся по фарфоровой маске. Зрачки исчезли в непроглядной черноте, и в глубине этого взгляда не было ничего, что могло бы напомнить обычного человека. Из-под приоткрытых губ показались удлинившиеся клыки, а пальцы медленно согнулись, обнажая острые, неестественно вытянутые когти.

Первые секунды никто не решался сделать шаг. Люди, ещё недавно уверенные в собственной безопасности, теперь смотрели на Алекса, сидевшего на коленях посреди растекавшейся крови, и пытались понять, действительно ли он мёртв. Женщина в красном платье медленно опустила руку, которой отдала приказ стрелять, а один из охранников, перехватив револьвер поудобнее, направился к неподвижной фигуре. Он сделал всего несколько шагов, когда Алекс поднял голову.

И улыбнулся.

Улыбка вышла настолько чужой, настолько лишённой человеческого тепла, что охранник замер на месте. В следующую секунду Алекс исчез из его поля зрения. Раздался короткий вскрик, затем грохот — и мужчина полетел через комнату, сбив с ног стоявшего за ним товарища. Алекс оказался рядом прежде, чем остальные успели осознать произошедшее. Его движения были слишком быстрыми для человеческого глаза: тёмный плащ мелькнул между столом и колонной, раздался хруст, и первый из охранников рухнул на пол, прижимая к груди неестественно вывернутую руку. Второй попытался поднять оружие, но Алекс перехватил его запястье, с такой силой сжав пальцы, что револьвер выпал на камень. Наёмник даже не взглянул на него. Резкий удар отбросил мужчину назад, а следом Алекс схватил его за горло и поднял над полом, словно тот ничего не весил.

— Вы ведь уже стреляли, — негромко произнёс он, глядя прямо в испуганные глаза своей жертвы. — И, если мне не изменяет память, довольно много.

Ответом ему стал сдавленный хрип. Алекс наклонил голову, будто прислушиваясь, а затем его губы разошлись, обнажая длинные клыки. Он впился ими в шею мужчины, и тот забился в его хватке, судорожно цепляясь пальцами за чёрный плащ. Несколько мгновений спустя сопротивление ослабло, руки бессильно повисли, а Алекс отстранился, медленно выте-

рев губы тыльной стороной ладони. На его лице не было ни удовольствия, ни отвращения — только пугающее спокойствие существа, для которого человеческая жизнь давно перестала быть чем-то неприкосновенным.

И тогда комната взорвалась криками.

Люди бросились врассыпную. Кто-то попытался добраться до двери, другие полезли под стол, а несколько охранников, забыв о пустых барабанах револьверов, выхватили мечи и кинжалы. Один из них с отчаянным воплем бросился на Алекса, занеся клинок над головой. Наёмник встретил его безоружным. Уклонившись от удара, он перехватил руку нападавшего и резко выкрутил её за спину. Мужчина вскрикнул, выронив меч, но Алекс не дал ему упасть: схватил за воротник, развернул и швырнул прямо на стол. Дерево треснуло под тяжестью тела, бумаги и карты разлетелись по комнате, а стоявшая рядом лампа перевернулась, бросив на стены пляшущие тени.

Следующий противник оказался осторожнее. Он попытался зайти сбоку, рассчитывая воспользоваться тем, что Алекс отвлёкся на другого охранника, однако наёмник словно почувствовал его приближение. Резко повернувшись, он поймал мужчину за лицо и впечатал его в кирпичную колонну. Удар оказался таким сильным, что тот сполз на пол, оставив на стене кровавый след. Алекс уже двигался дальше, не задерживаясь возле поверженного. Он не сражался в привычном смысле этого слова, не обменивался ударами и не искал удобного момента для атаки. Он просто проходил через комнату, и каждый, кто пытался его остановить, очень быстро понимал, насколько бесполезными были все их приготовления.

Клинок рассёк воздух возле его плеча. Алекс поймал нападавшего за предплечье, дёрнул на себя и сломал ему руку одним коротким движением. Когда мужчина согнулся от боли, наёмник схватил его за затылок и с силой ударил о край стола. Тот рухнул, не издав больше ни звука. Другой охранник попытался ударить Алекса кинжалом в бок, целясь в одну из многочисленных ран, оставленных пулями. Лезвие вошло между рёбрами, но вместо ожидаемого крика мужчина услышал низкий, почти раздражённый выдох. Алекс медленно опустил взгляд на торчащую рукоять, затем снова посмотрел на нападавшего.

— А вот это было невежливо.

Он выдернул кинжал, отбросил его в сторону и схватил мужчину за шею. Тот попытался закричать, но Алекс притянул его ближе, и крик захлебнулся, едва клыки прокусили кожу. На этот раз наёмник не торопился. Он удерживал жертву, пока та постепенно теряла силы, а вокруг продолжали метаться люди, которые ещё несколько минут назад считали себя хозяевами положения. Кровь стекала по шее Алекса, пропитывая воротник чёрного плаща. Когда мужчина наконец обмяк, наёмник отпустил его и позволил телу упасть к остальным.

Женщина в красном платье отступала к стене, не в силах оторвать взгляд от происходящего. Её лицо побледнело, а пальцы, сжимавшие рукоять небольшого пистолета, заметно дрожали. Она видела, как Алекс двигался среди охраны, слышала хруст костей, крики и глухие удары падающих тел. Видела, как пули, которые должны были разорвать его на части, не смогли остановить его даже на несколько минут. Теперь перед ней был не наёмник, которого можно было купить, запугать или убрать с дороги. Перед ней стояло нечто, для чего их оружие оказалось лишь кратковременным неудобством.

— Держите его! — выкрикнула она, сама не узнавая собственного голоса. — Да убейте же вы его!

Но отвечать на приказ было уже некому.

Последний из охранников попытался отступить за перевёрнутый стол, однако Алекс настиг его прежде, чем тот успел поднять меч. Наёмник схватил мужчину за грудки и одним движением поднял над полом. Тот ударил его кулаком в лицо, затем ещё раз, отчаянно пытаясь вырваться, но Алекс даже не моргнул. Он посмотрел на человека с почти усталым выражением,

словно тот задерживал его по совершенно нелепой причине, после чего резко дёрнул в сторону. Раздался тяжёлый хруст. Тело обмякло в его руках, и Алекс отбросил его на пол.

Постепенно крики стихли. Где-то ещё слышались торопливые шаги, скрип отодвигаемой мебели и сбивчивое дыхание тех, кто пытался спрятаться, но даже эти звуки вскоре оборвались. Комната, прежде наполненная голосами влиятельных людей, превратилась в беспорядочное нагромождение сломанной мебели, разбросанного оружия и неподвижных тел. Перевёрнутые лампы отбрасывали на стены неровные тени, а свет, проходя сквозь дым и пыль, ложился на каменный пол, залитый кровью.

Алекс стоял посреди этого хаоса, тяжело опустив руки. На его одежде больше не осталось чистого места, а тёмные прожилки на бледной коже стали отчётливее, словно чудовище, скрывавшееся под человеческим обликом, наконец перестало считать нужным притворяться. Он медленно повернул голову, прислушиваясь к остаткам движения в помещении, и его чёрные глаза остановились на женщине в красном платье.

Она всё ещё была жива.

Пистолет выпал из её пальцев и ударился о пол. Женщина прижалась спиной к стене, пытаясь отыскать хоть что-нибудь, что могло бы защитить её от приближающегося монстра. Но Алекс не спешил. Он сделал шаг, затем ещё один, и каждый удар сапога о камень звучал в наступившей тишине громче предыдущего.

Когда он остановился перед ней, женщина уже не пыталась кричать.

Алекс склонил голову набок и внимательно посмотрел ей в глаза. На его губах ещё оставались следы крови, а в выражении лица проступало что-то древнее и совершенно равнодушное к человеческому страху.

— Ну что, — тихо произнёс он, — продолжим наше собрание?

— Что ты за хрень такая?.. — спросила женщина, и её голос предательски дрогнул на последних словах.

Она старалась держаться прямо, не показывать, насколько сильно напугана, но тело отказывалось подчиняться. Спина прижималась к холодной кирпичной стене, пальцы судорожно сжимались, а взгляд метался между лицом незнакомца и разбросанными по полу телами. Ещё недавно она сидела за столом среди влиятельных людей Мельдорфа, обсуждала судьбу города и была уверена, что может распоряжаться чужими жизнями. Теперь всё её могущество не стоило ровным счётом ничего. Перед ней стоял тот, кого не остановили десятки пуль, кто прошёл через вооружённую охрану так, словно та состояла из беззащитных детей, и кто смотрел на неё с пугающим спокойствием, будто происходящее не заслуживало даже малейшего внимания.

Алекс улыбнулся шире. Из-под верхней губы показались длинные клыки, острые и белые, а по уголку рта медленно скатилась тонкая струйка крови. В его чёрных глазах не отражалось ни сомнение, ни раскаяние. Лишь холодное любопытство существа, которое слишком долго жило среди людей, чтобы продолжать считать себя одним из них.

— Скажем так… я настоящий монстр.

Он произнёс это почти непринуждённо, словно представлялся новым знакомым в какомнибудь захудалом кабаке, а не стоял посреди комнаты, превратившейся в бойню. Затем Алекс неторопливо обернулся и окинул взглядом оставленную им гору трупов. На полу лежали люди, которые совсем недавно строили планы, спорили о власти и делили между собой будущие доходы. Теперь их судьбы закончились в этом грязном помещении, вдали от роскошных кабинетов и шумных улиц, где их имена ещё могли что-то значить. Алекс задержал взгляд на одном из тел, словно пытался вспомнить, кто именно там лежал, но, судя по его выражению, быстро решил, что это не имеет значения.

Он снова повернулся к женщине.

— И мне совершенно не хочется, чтобы кто-то об этом узнал.

В этих словах не было угрозы в привычном понимании. Алекс не повышал голоса, не приближался резко и не пытался запугать её громкими обещаниями. Он просто сообщил факт, и именно это оказалось страшнее любых угроз. Женщина поняла, что перед ней не человек, которого можно уговорить, подкупить или убедить в собственной полезности. Она знала слишком много, увидела слишком много и теперь оставалась единственным живым свидетелем того, что произошло в этом помещении.

Алекс сделал шаг к ней.

Женщина зажмурилась. Её дыхание сбилось, губы беззвучно шевельнулись, словно она хотела произнести молитву, но слова так и не сорвались с языка. Она уже представляла, как острые клыки впиваются ей в шею, как холодные пальцы удерживают её на месте и как последние силы покидают тело. Странным образом именно ожидание оказалось мучительнее всего: она слышала приближающиеся шаги, чувствовала чужое присутствие совсем рядом, но не решалась открыть глаза, чтобы не увидеть собственную смерть.

Однако клыки так и не коснулись её шеи.

Вместо этого раздался короткий, отвратительно громкий хруст.

Женщина распахнула глаза.

Алекс стоял прямо перед ней, почти вплотную, и смотрел на неё сверху вниз. Его лицо оставалось спокойным, будто ничего особенного не произошло, а в руке, поднятой на уровень груди, он держал человеческое сердце. Ещё мгновение назад оно билось внутри её тела; теперь же между ними не осталось ничего, кроме нескольких дюймов воздуха и осознания того, что она уже мертва, хотя сознание всё ещё отказывалось это принять.

Женщина попыталась вдохнуть, но грудь не ответила привычным движением. Её взгляд медленно опустился на окровавленную руку Алекса, затем вернулся к его лицу. В глазах отразилось последнее, запоздалое понимание.

Глава 2

Глава 2
«Нежеланная просьба»

Закончив дела на нижних уровнях Мельдорфа, Алекс вернулся к Маркусу, получил обещанное вознаграждение и, не задерживаясь в кабинете старого знакомого дольше необходимого, спустился в общий зал «Адского пламени». Здесь, среди потемневших от времени балок, закопчённых светильников и тяжёлого запаха табака, крепкого алкоголя и давно не мытых половиц, жизнь текла своим привычным чередом. За столами гремели кружки, кто-то громко рассказывал очередную байку, приукрашивая собственные подвиги, а у дальней стены двое наёмников спорили о цене за голову какого-то несчастного ублюдка, которому не повезло перейти дорогу нужным людям. Всё выглядело как обычно, однако Алекс заметил перемену ещё до того, как успел добраться до стойки.

В зале появилось напряжение. Не открытая враждебность, не то беспокойное оживление, которое предшествует драке, а нечто куда более сдержанное и потому неприятное. Разговоры не стихали, никто не вскакивал с места и не хватался за оружие, но кое-кто слишком уж старательно делал вид, что занят своими делами. Взгляды задерживались на Алексе на долю секунды дольше положенного, а стоило ему повернуть голову, как их обладатели немедленно находили себе занятие поинтереснее. Он чувствовал себя так, словно каждый третий в этом проклятом заведении явился сюда не выпить, а дождаться удобного момента, чтобы всадить ему нож между рёбер.

Алекс выбрал свободный стул у стойки и уселся, положив предплечье на потёртую древесину. Бармен, не задавая лишних вопросов, поставил перед ним бокал виски. Янтарная жидкость дрогнула, поймав отражение магического светильника, закреплённого над полками с бутылками.

— За счёт заведения? — лениво поинтересовался Алекс.

Бармен лишь скользнул по нему взглядом, всем своим видом показывая, что сегодня не расположен к шуткам. Алекс усмехнулся, поднёс бокал к губам и сделал небольшой глоток. Виски оказался терпким, с лёгким привкусом дуба и дыма, но насладиться им как следует не удалось. Едва напиток коснулся языка, что-то заставило его насторожиться.

Запах.

Не тот, что исходил от алкоголя, пропитанных потом посетителей или сырой одежды, принесённой с улицы. Этот запах был едва уловимым, почти полностью скрытым за мешаниной человеческих ароматов, однако Алекс узнал его сразу. Слишком хорошо узнал, чтобы позволить себе не обратить на него внимания.

Он не изменился в лице, только чуть медленнее поставил бокал на стойку. Взгляд скользнул по отражению зала в запотевшем зеркале за бутылками. Ничего необычного: пьяные наёмники, несколько карточных шулеров, девица в алом платье, беседовавшая с человеком в дорогом сюртуке, и пара незнакомцев, державшихся особняком. Последние, впрочем, могли оказаться кем угодно — в Мельдорфе приличная одежда ещё не означала приличных намерений.

Бармен наклонился к нему, продолжая протирать тряпкой и без того чистый участок стойки.

— Тебя тут уже заждались, пока ты разгребал дерьмо Маркуса на нижних уровнях.

Алекс медленно повернул к нему голову.

— Да, я чувствую. Инквизицией воняет так, что блевать хочется.

Он произнёс это негромко, почти буднично, словно обсуждал качество выпивки. Затем допил остаток виски, поставил бокал на стойку и поднялся. Если Инквизиция действительно решила устроить ему очередную неприятную беседу, то начинать её в переполненном баре было бы с её стороны не самым разумным поступком. Впрочем, Алекс давно перестал удивляться тому, насколько дурными бывают чужие решения, особенно когда за ними стоят люди, привыкшие прикрываться законом и святостью собственных намерений.

Он направился к выходу, не торопясь и не оглядываясь, когда из толпы навстречу ему вынырнул мужчина и с размаху врезался плечом в его грудь. Столкновение было слишком точным, чтобы показаться случайностью, но Алекс даже не покачнулся. Незнакомец, напротив, отступил на полшага, после чего немедленно преобразил собственную неловкость в возмущение.

— Смотри, куда прёшь, придурок! — рявкнул он, с вызовом вскинув подбородок.

Алекс остановился и медленно опустил взгляд на плечо, которым его только что попытались сдвинуть с места, а затем перевёл глаза на незнакомца. На губах появилась едва заметная усмешка.

— Забавно. Я собирался сказать тебе то же самое.

В самый неподходящий момент на верхней лестнице показался Маркус Кинг. Он уже собирался обратиться к кому-то из своих людей, но, заметив происходящее внизу, остановился на ступени и выругался сквозь зубы. Следующие несколько секунд он потратил на то, чтобы оценить обстановку: Алекс, сохранявший почти оскорбительное спокойствие, незнакомец, едва не упиравшийся ему носом в лицо, и десяток посетителей, которые с подозрительным единодушием решили, что происходящее заслуживает их самого пристального внимания. Маркус прекрасно знал, чем обычно заканчиваются подобные сцены, если вовремя не вмешаться, поэтому поспешил вниз, на ходу поправляя манжеты своего сюртука.

— Так, граждане бандиты, — произнёс он, остановившись у подножия лестницы. В его голосе звучала та особая вежливость, за которой у Маркуса всегда скрывалось нечто весьма неприятное. — У меня к вам небольшая просьба. Пока ещё просьба вежливая: успокойтесь, уберите руки от оружия и постарайтесь не делать ничего, о чём впоследствии придётся сожалеть. Поверьте, оно вам не понадобится.

Несколько человек переглянулись, но никто не спешил подчиняться. Незнакомец, напротив, словно решил, что появление ещё одного человека даёт ему преимущество. Он даже не обернулся к Маркусу, продолжая смотреть на Алекса с той самоуверенностью, которую обычно приобретают люди, никогда не сталкивавшиеся с последствиями собственной глупости.

Маркус тяжело вздохнул.

— Разумеется, вы можете поступить по-своему. В конце концов, я не ваша нянька. Просто мне показалось разумным предупредить вас, прежде чем кто-нибудь из присутствующих совершит последнюю ошибку в своей жизни. — Он обвёл взглядом собравшихся и добавил уже без тени улыбки: — Перед вами стоит Алекс Блэк. Человек, который берётся за заказы на тех, чьи имена вы предпочитаете даже не произносить вслух. И, судя по тому, что я вижу, один из вас только что решил проверить, насколько у него крепкие нервы.

На мгновение в зале стало тише. Имя Алекса было известно далеко не каждому, но среди тех, кто зарабатывал на жизнь кровью, сталью и чужими головами, оно имело достаточно дурную славу, чтобы не нуждаться в дополнительных объяснениях. Кто-то узнал его сразу. Один из наёмников у ближайшего стола медленно убрал руку с рукояти ножа, другой отодвинул стул, освобождая себе проход к выходу. Несколько человек начали незаметно пятиться, стараясь не привлекать внимания, а бармен и вовсе пригнулся за стойкой, словно надеялся, что массивная древесина защитит его от всего, что могло произойти дальше.

Однако незнакомец не отступил. Более того, предупреждение Маркуса, похоже, лишь окончательно вывело его из себя.

— Да мне, блядь, плевать, кто он такой! — выплюнул мужчина и с силой толкнул Алекса обеими руками в грудь. — Я его знать не знаю. Он меня толкнул, и теперь пусть извиняется!

Алекс едва заметно наклонил голову. На его лице по-прежнему не было ни страха, ни раздражения, достойного внимания окружающих, но губы медленно сжались в тонкую линию. Те, кто знал его достаточно хорошо, уже понимали: происходящее перестало его забавлять. Из груди вырвался тихий, низкий звук, больше похожий на сдержанное рычание, чем на человеческий вздох.

— Я тебя предупреждал, — негромко произнёс Маркус, обращаясь уже не столько к самому мужчине, сколько ко всем остальным. — Но, как выяснилось, некоторые предпочитают учиться исключительно на собственном опыте.

Незнакомец дёрнул полой куртки, выхватил револьвер и, прежде чем кто-либо успел вмешаться, приставил холодный ствол к подбородку Алекса.

— Мне вообще похрен, кто ты, — прошипел он. — Ты меня толкнул. Я требую извинений.

Алекс перевёл взгляд на оружие, затем посмотрел мужчине в глаза. В его выражении появилось нечто почти сочувственное — настолько неуместное, что это могло бы показаться насмешкой, если бы в следующую секунду он не улыбнулся.

— Конечно, — сказал он. — Сейчас.

Медленно, не делая резких движений, Алекс опустил руку к внутреннему карману плаща. Мужчина чуть сильнее прижал револьвер к его подбородку, однако не попытался остановить его. Возможно, он решил, что Алекс наконец-то понял серьёзность своего положения. Возможно, просто не успел сообразить, что именно тот собирается сделать.

Пальцы Алекса сомкнулись на небольшом металлическом предмете. Он извлёк его из кармана с таким видом, словно достал зажигалку, и большим пальцем активировал механизм. Послышалось короткое шипение, за которым последовало крошечное оранжевое пламя.

Улыбка Алекса стала чуть шире.

— А теперь мой тебе совет. Убирайся отсюда. Быстро.

Он двинулся прежде, чем мужчина успел нажать на спуск. Одним коротким движением Алекс отвёл револьвер в сторону, а другой рукой сунул зажжённый заряд под куртку незнакомца, закрепив его между складками одежды. Всё произошло так стремительно, что окружающие успели заметить лишь блеск металла и движение его руки.

Несколько секунд мужчина стоял неподвижно, словно не до конца осознал случившееся. Затем опустил взгляд, увидел дымящийся фитиль и завопил так, будто ему уже вспороли живот.

— ТЫ ЧТО, ТВАРЬ, СОВСЕМ ОХРЕНЕЛ?!

Он лихорадочно принялся шарить под одеждой, пытаясь вытащить бомбу, но каждый раз лишь сильнее запутывался в ткани. Алекс тем временем невозмутимо поправил воротник плаща и отступил на шаг, освобождая ему дорогу.

— Я бы на твоём месте не задерживался.

Мужчина наконец сорвался с места. Оттолкнув ближайшего посетителя, он бросился к выходу, на ходу дёргая куртку и выкрикивая проклятия. Двери распахнулись, впуская в зал порыв холодного воздуха, и незнакомец вылетел на улицу. Двери ещё не успели захлопнуться за ним, когда снаружи прогремел взрыв.

Ударная волна заставила створки распахнуться обратно. По залу прокатился грохот, с полок посыпались бутылки, а несколько посетителей пригнулись, прикрывая головы. На мгновение всё заполнилось пылью, дымом и звонким дребезжанием стекла. Затем шум начал стихать, оставляя после себя тяжёлый запах пороха и обугленной ткани.

Алекс посмотрел на распахнутые двери, за которыми медленно оседал дым, и негромко выдохнул.

— Вот ведь невоспитанный ублюдок, — заметил он. — Даже попрощаться не удосужился.

Маркус несколько секунд молча смотрел на него. Потом провёл ладонью по лицу и повернулся к ближайшим людям, которые уже начали осторожно выглядывать из-за столов.

— Кто-нибудь, — произнёс он с ледяным спокойствием, — пожалуйста, выясните, насколько сильно он загадил мне крыльцо. И проследите, чтобы никто из любопытных не притащил сюда его останки. У меня и без того достаточно расходов на содержание этого заведения.

Он снова посмотрел на Алекса.

— А с тобой, дорогой мой, нам, кажется, пора поговорить.

— В этом нет нужды, господин Кинг, — донёсся из глубины зала низкий, грубоватый голос.

Незнакомец произнёс это без спешки, с той спокойной уверенностью, которая не требовала ни повышенного тона, ни попыток привлечь к себе внимание. Из дальнего угла, где тусклый свет настенных ламп едва пробивался сквозь табачный дым, вышел мужчина лет сорока с небольшим. Он двигался неторопливо, сохраняя осанку человека, привыкшего держаться прямо даже тогда, когда обстоятельства не оставляли для этого ни малейшего повода. В нём чувствовалась военная выправка, давно ставшая частью натуры, и нечто ещё — холодная основательность охотника, которому не раз приходилось смотреть в глаза существам, способным разорвать его на части.

Его лицо казалось высеченным из старого камня: резкие скулы, твёрдая линия челюсти, прямой нос и глубокие складки у рта, оставленные не столько возрастом, сколько годами, проведёнными среди людей, которым нельзя доверять. По вискам и вдоль лица рассыпались пряди пепельно-серых волос, небрежно зачёсанных назад, а короткая, густая борода с серебристыми нитями придавала его облику суровую зрелость. Несколько прядей выбились на лоб, оттеняя внимательный взгляд серых глаз, в котором не было ни суетливого любопытства, ни желания кому-либо что-то доказывать. Он смотрел на окружающих так, словно давно научился замечать то, что другие предпочитали не видеть.

На нём был чёрный кожаный камзол тонкой выделки, застёгнутый почти до самого горла и украшенный искусной золотистой вышивкой. Поверх него лежал тяжёлый плащ с широким воротником из тёмного меха, а подкладка из глубокого винно-красного бархата вспыхивала багровым оттенком при каждом движении. Металлические застёжки, тонкие узоры на перчатках и гербовые украшения на поясе выдавали принадлежность к знатному роду, однако в его одежде не было той нарочитой роскоши, которой так любили щеголять богатые бездельники Мельдорфа. Каждая деталь выглядела дорогой, добротной и выбранной с расчётом на долгую службу, а не ради восхищённых взглядов. У бедра поблёскивали рукояти оружия, и даже в том, как свободно его рука располагалась рядом с ними, угадывалась привычка носить сталь не для украшения.

Он остановился в нескольких шагах от Маркуса, мельком взглянул на распахнутые двери, за которыми ещё клубился дым, затем перевёл взгляд на Алекса. Ни удивления, ни осуждения на его лице не появилось. Лишь едва заметно дрогнул уголок рта, словно увиденное подтвердило некое давнее представление о том, с кем ему предстоит иметь дело.

— Полагаю, представляться нет необходимости, — произнёс мужчина, обращаясь к Алексу. Его голос оставался ровным, но в нём слышалась та самая жёсткость, которая не нуждалась в угрозах, чтобы дать понять: перед собеседником не человек, которого легко запугать. — Алекс Блэк.

Маркус медленно повернул голову к незнакомцу. На его лице промелькнуло раздражение, быстро сменившееся настороженностью.

— Гидеон, — проговорил он, и имя прозвучало скорее как предупреждение, чем как приветствие. — Не знал, что ты решил почтить моё заведение своим присутствием.

Мужчина едва заметно усмехнулся, не отводя взгляда от Алекса.

— Как видишь, Маркус, у каждого из нас сегодня выдался насыщенный вечер.

Алекс не стал тратить время на приветствия. Едва Гидеон закончил говорить, как рука наёмника скользнула под полы плаща и в следующий миг уже сжимала рукоять револьвера. Металл сухо щёлкнул, когда курок встал на боевой взвод. Алекс поднял оружие и направил ствол прямо в лоб Голду, целясь так спокойно, словно между ними не было ни десятка вооружённых людей, ни свидетелей, ни самого Маркуса, который, судя по выражению его лица, уже начал сожалеть, что сегодня вообще спустился в общий зал.

— Назови мне хоть одну причину, по которой я не должен пустить тебе пулю в лоб прямо сейчас.

В зале снова воцарилась тишина. На этот раз никто даже не пытался притвориться, будто происходящее его не касается. Несколько посетителей замерли с кружками в руках, кто-то медленно отодвинулся от стола, освобождая себе пространство для возможного бегства. Маркус прикрыл глаза и беззвучно выругался: вечер стремительно превращался в катастрофу, причём, судя по всему, далеко не последнюю.

Гидеон же даже не посмотрел на направленный в его сторону револьвер. Он перевёл взгляд на Алекса, изучая его с невозмутимым любопытством, а затем едва заметно усмехнулся. Ни напряжения в плечах, ни поспешного движения к оружию — только холодное спокойствие человека, который либо совершенно не ценит собственную жизнь, либо уверен, что она ему сегодня не угрожает.

— Я готов назвать тебе двадцать причин, — ответил он. — Но боюсь, к двадцать первой ты уже потеряешь терпение.

Гидеон неспешно поднял руки и хлопнул в ладони.

Звук вышел негромким, почти затерявшимся среди потрескивания камина и скрипа половиц, однако последовавшее за ним движение не укрылось ни от Алекса, ни от Маркуса.

За несколькими столами одновременно отодвинулись стулья. Люди, до этого ничем не выделявшиеся среди посетителей «Адского пламени», поднялись на ноги и достали оружие. Один вытащил из-под сюртука короткий дробовик, другой положил ладонь на рукоять длинноствольного револьвера, третий направил на Алекса пистолет с тускло поблёскивающими рунами на стволе. Остальные тоже не собирались оставаться в стороне. Они действовали слаженно, без лишних слов и суеты, словно заранее знали, кто где должен стоять и на кого направить оружие.

Улыбка Гидеона не исчезла.

— Вот видишь, Алекс? — произнёс он, чуть склонив голову.

Маркус медленно повернулся к ближайшему вооружённому незнакомцу, и его лицо приобрело выражение человека, которому только что сообщили о пожаре в собственном доме.

— Гидеон, — проговорил он сквозь зубы, — ты хоть представляешь, сколько будет стоить восстановление моего заведения, если кто-нибудь из вас решит здесь выстрелить?

— Надеюсь, не дороже, чем похороны твоих посетителей, Маркус.

— Это моё заведение, чёртов ты аристократ. Здесь даже умирать без моего разрешения не принято.

Алекс не отвёл оружия. Его взгляд на мгновение скользнул по людям, окружившим его, отмечая расстояния, положение рук и линии возможного огня. Затем он снова посмотрел на Гидеона. В уголке его рта появилась холодная усмешка.

— Двадцать причин, значит? — переспросил он. — Начинай с самой убедительной. Потому что остальные, боюсь, тебе уже не понадобятся.

Гидеон сделал ещё один шаг, сокращая и без того небольшое расстояние между ними. Он двигался медленно, без резких жестов, не обращая внимания на направленный ему в лицо револьвер, пока дуло не упёрлось в грудь, прямо над рядом искусно вышитых золотой нитью

узоров на чёрном камзоле. Теперь между ними оставалось не больше полушага, и Алекс мог разглядеть каждую морщину у глаз своего собеседника, каждую серебристую нить в его короткой бороде. Голд смотрел на него без страха, с почти оскорбительным спокойствием человека, который пришёл сюда не просить о встрече, а добиваться своего.

— Давай, Алекс, — произнёс он тише, так, чтобы слова предназначались прежде всего им двоим. — Стреляй.

Гидеон чуть подался вперёд, сам приближаясь к оружию, и на мгновение его голос стал совсем негромким, почти доверительным.

— Мои люди начнут стрелять следом. А дальше что? Ты ведь знаешь, чем это закончится. Кровь, крики, трупы на полу… И в какой-то момент ты снова перестанешь различать, кто перед тобой. Вырежешь всех до единого, как тогда.

Последние слова он произнёс без нажима, и именно поэтому они прозвучали особенно жестоко. Гидеон не пытался напугать Алекса оружием или числом своих людей. Он бил туда, где, как ему было известно, не требовалось ни клинка, ни пули, — в память, которую невозможно было оттолкнуть одним движением руки.

Алекс не пошевелился. Только его челюсть едва заметно напряглась, а пальцы крепче сжали рукоять револьвера. Взгляд потемнел, и на короткое мгновение в нём промелькнуло нечто такое, от чего ближайший к ним вооружённый мужчина невольно перестал дышать. Но Алекс не сорвался. Не сейчас.

— На человечность давишь, старый маразматик? — спросил он негромко.

В голосе не было ни удивления, ни растерянности. Лишь холодное презрение, за которым пряталось раздражение куда более опасное, чем открытая ярость.

Не отводя взгляда от лица Голда, Алекс медленно поднял револьвер выше и прижал дуло к его подбородку. Металл слегка продавил кожу, заставляя Гидеона запрокинуть голову на несколько градусов. Движение было почти небрежным, но смысл его не оставлял места для толкований.

— Ошибаешься, если думаешь, что можешь размахивать передо мной прошлым и рассчитывать, будто я забуду, кто ты такой.

Маркус, стоявший чуть поодаль, перестал следить за вооружёнными людьми и перевёл взгляд на них обоих. Он знал Алекса достаточно давно, чтобы понимать разницу между привычной насмешливостью и тем ледяным спокойствием, которое появлялось, когда разговор касался чего-то по-настоящему опасного. И сейчас ему совершенно не нравилось то, что он видел.

Гидеон, однако, даже не попытался отступить. Он лишь чуть приподнял подбородок, насколько позволял упиравшийся в него ствол, и продолжил смотреть Алексу прямо в глаза.

— Я ничего не забыл, Алекс, — ответил он. — Именно поэтому и пришёл.

Алекс медленно отвёл большой палец назад, взводя курок револьвера. Сухой металлический щелчок прозвучал на удивление отчётливо, прокатившись по притихшему залу. Несколько человек инстинктивно крепче сжали оружие, но никто не решился вмешаться. Даже Маркус, обычно не упускавший возможности вставить едкое замечание, на этот раз предпочёл промолчать.

— У тебя есть три секунды, — произнёс Алекс, глядя Гидеону прямо в глаза. — И время пошло.

Он не повысил голоса. Ему не требовалось кричать, угрожать или повторять свои слова, чтобы окружающие поняли: это не очередная попытка запугать собеседника. Алекс уже принял решение, и теперь Гидеону оставалось лишь убедить его передумать.

— Раз…

Гидеон впервые за весь разговор утратил часть своего хладнокровия. Его взгляд метнулся к лицу Алекса, затем на долю секунды задержался на револьвере. Он знал, что перед ним не

тот человек, которого можно остановить громкими словами или угрозой ответного выстрела. Если Алекс решил нажать на спуск, никакие рассуждения о последствиях его не удержат. А люди, окружавшие их, прекрасно понимали, что даже если они успеют открыть огонь, это ещё не означает, что кто-то из них останется в живых.

— Два…

— Алекс, послушай…

— Время.

Палец Алекса начал давить на спусковой крючок.

— ДЭРРИЕР ! — выкрикнул Гидеон.

Имя ударило по тишине зала, заставив несколько человек вздрогнуть. Алекс замер.

Не от страха. Не от внезапного сомнения в собственных намерениях. Просто палец остановился на самом спуске, а взгляд, до этого прикованный к лицу Гидеона, стал неподвижным.

На короткое мгновение в его глазах мелькнуло нечто, чего Гидеон не видел на протяжении всего разговора. Револьвер по-прежнему упирался ему в подбородок, курок оставался взведённым, а вокруг них стояли вооружённые люди, готовые открыть огонь по первому движению. Но теперь всё это словно отступило на второй план.

Алекс медленно опустил взгляд на Гидеона.

— Что ты сказал?

Голос прозвучал тихо, почти безжизненно. И оттого в нём было куда больше угрозы, чем в прежних словах.

Гидеон сглотнул, стараясь не смотреть на оружие.

— Дэрриер, — повторил он уже тише. — Нам нужно поговорить о моей дочери.

Алекс несколько секунд не двигался. Затем отвёл револьвер от подбородка Голда, но не убрал его и не опустил руку. Его лицо снова стало непроницаемым, словно ничего не произошло, однако взгляд изменился: теперь он изучал Гидеона с холодной, почти болезненной внимательностью.

— Ты только что купил себе ещё несколько секунд жизни, — сказал он. — Не потрать их впустую.

Гидеон медленно поправил воротник камзола, на котором осталась едва заметная вмятина от револьверного ствола, и бросил взгляд на вооружённых людей. Те не спешили убирать оружие, ожидая распоряжений, однако Голд лишь коротко кивнул им, давая понять, что дальнейшее вмешательство не потребуется. Только после этого он повернулся к Маркусу.

— Маркус, не найдётся ли у тебя места, где мы с мистером Блэком могли бы поговорить наедине?

Кинг посмотрел сначала на Гидеона, затем на Алекса, который всё ещё держал револьвер в руке. Судя по его выражению лица, предложение Голда не вызывало у него ни малейшего энтузиазма, но и особого удивления тоже. Маркус тяжело вздохнул, словно ему только что напомнили о какой-то давней, крайне неприятной обязанности, и пожал плечами.

— Разумеется. У меня даже есть подходящее место. Хотя, признаться, я предпочёл бы провести там вечер в компании людей, которые хотя бы изредка пытаются решать свои проблемы словами.

Он развернулся и направился к лестнице, ведущей на нижние уровни. Гидеон последовал за ним, а Алекс задержался ровно настолько, чтобы бросить последний предупреждающий взгляд на оставшихся в зале людей. Затем убрал револьвер под плащ и двинулся следом.

Чем глубже они спускались, тем сильнее менялась атмосфера заведения. Шум общего зала постепенно растворился за толстыми стенами, уступая место глухому гулу работающих механизмов, доносившемуся откуда-то из недр здания. Вдоль каменных коридоров тянулись медные трубы, местами покрытые тёмными потёками конденсата, а редкие газовые лампы отбрасывали на стены неровные пятна желтоватого света. Здесь не было ни пьяных криков, ни

музыки, ни случайных посетителей. Нижние уровни «Адского пламени» предназначались для дел, о которых предпочитали не говорить вслух.

Маркус уверенно шёл впереди, временами позвякивая ключами, висевшими на цепочке у пояса. Наконец он остановился перед массивной дверью из тёмного дерева, укреплённой металлическими накладками, и отпер замок. За ней находилась просторная переговорная, в которой главы крупнейших семей Мельдорфа собирались для обсуждения своих дел. Длинный стол из полированного чёрного дерева занимал почти весь центр комнаты; вокруг него стояли высокие кресла с кожаной обивкой, а на стенах висели старые карты города, схемы подземных коммуникаций и несколько потемневших от времени гербов. В дальнем конце помещения горел камин, согревая воздух, пропитанный запахом старой древесины, кожи и табака. Над столом висела тяжёлая люстра с магическими светильниками, дававшими ровный, холодноватый свет.

Маркус пропустил гостей внутрь и прикрыл за ними дверь. Затем повернулся к обоим, сцепив руки за спиной.

— Господа, прежде чем мы начнём, прошу оставить оружие здесь.

Гидеон отреагировал спокойно, словно подобное требование было для него вполне ожидаемым. Алекс же посмотрел на Маркуса с выражением человека, которому предложили добровольно отдать собственные зубы первому встречному.

Кинг выдержал его взгляд несколько секунд, после чего прикрыл глаза и устало выдохнул.

— Алекс, я тебя очень прошу. Не отгрызи ему голову хотя бы до тех пор, пока мы не закончим разговор.

— Обещать не буду, — невозмутимо ответил Блэк.

Маркус задержался у двери, окинул обоих последним, исполненным плохо скрываемого раздражения взглядом и покачал головой. Судя по всему, он уже смирился с тем, что сегодняшний вечер не обойдётся без неприятностей, а потому решил хотя бы не присутствовать при их развитии. Не сказав больше ни слова, Кинг вышел в коридор и закрыл за собой дверь. Тяжёлый щелчок замка отрезал переговорную от остального мира.

Гидеон неспешно прошёл вдоль стола, провёл пальцами по гладкой спинке одного из кресел и остановился у противоположного конца. На мгновение его взгляд задержался на старых картах, висевших на стене, но, похоже, содержание этих карт интересовало его куда меньше, чем предстоящий разговор. Он снял перчатки, аккуратно положил их на стол и опустился в кресло, устроившись с привычной для человека его положения уверенностью. Алекс тем временем не сдвинулся с места. Он остался возле двери, прислонившись плечом к стене, скрестив руки на груди и не сводя с Голда взгляда.

— Надеюсь, это не очередная твоя выходка, Голд, — произнёс он после недолгой паузы. — Иначе…

— Твои угрозы, Алекс, сейчас неуместны, — перебил его Гидеон.

Он произнёс это без вызова, но и без привычной осторожности, с которой обычно обращаются к человеку, способному убить тебя прежде, чем ты успеешь закончить фразу. На этот раз в его голосе слышалась усталость, которую не могли скрыть ни выправка, ни дорогая одежда, ни многолетняя привычка держать лицо перед подчинёнными.

— Моя дочь пропала, Алекс. И я пришёл к тебе, чтобы попросить помощи в её поисках.

На несколько мгновений в комнате воцарилась тишина.

Алекс не изменился в лице, однако едва заметно выпрямился, словно услышанное заставило его пересмотреть всё, что он успел решить об этом визите. Взгляд стал пристальнее, изучая каждую черту лица Голда, каждое движение его губ, малейшее напряжение мышц у глаз. Алекс умел распознавать ложь по интонациям, паузам и едва уловимым переменам в поведении собеседника, но сейчас ему не требовалось полагаться исключительно на наблюдательность.

Он слышал сердцебиение Гидеона.

Ровное, глубокое, лишь самую малость участившееся после произнесённых слов. Никакого резкого скачка, никакой фальшивой уверенности, которую обычно выдавало тело человека, пытающегося убедить другого в выдуманной истории. Сердце Голда продолжало биться спокойно, и Алекс не уловил в его словах лжи.

Это ещё не означало, что Гидеон рассказал ему всё. Люди могли скрывать правду, не произнося ни единого ложного слова. Но в том, что его дочь действительно пропала, сомневаться не приходилось.

Алекс медленно разомкнул руки.

— Рассказывай всё, что знаешь.

Гидеон поднял на него глаза и несколько секунд молчал, словно собираясь с мыслями. Он ожидал увидеть прежнего Блэка — холодного, насмешливого, готового превратить любой разговор в очередную словесную дуэль. Алекс и сейчас сохранял внешнее спокойствие, не выдавая ни единой лишней эмоции, однако Голд заметил перемену. Плечи его собеседника оставались расслабленными, поза казалась небрежной, но внимание стало предельно сосредоточенным. Взгляд больше не блуждал по комнате и не скользил по собеседнику с ленивым пренебрежением. Теперь Алекс слушал.

И впервые за весь вечер Гидеон увидел в его сдержанности не равнодушие, а напряжение, которое тот изо всех сил старался не показывать.

Он опустил взгляд на лежавшие перед ним перчатки, разгладил одну из них большим пальцем и вновь посмотрел на Блэка.

— Всё началось с одного символа, — наконец произнёс Голд. — И если наши подозрения верны, исчезновение Дэриер может оказаться куда серьёзнее, чем я готов был признать.

— Что за символ? — спросил Алекс.

Он оттолкнулся от стены и подошёл к столу. Гидеон расстегнул внутренний карман камзола, достал сложенный лист бумаги и протянул ему.

Алекс развернул лист.

На пожелтевшей бумаге был изображён знак, напоминавший древний иероглиф или монограмму, составленную на языке, давно исчезнувшем вместе с теми, кто на нём говорил. Несколько линий, казалось бы, нанесённых без всякого порядка, образовывали единый, странно гармоничный узор. В центре располагалась высокая вертикальная черта, расщеплённая в верхней части на три тонких ответвления, напоминавших корону с острыми зубцами. Нижний конец линии изгибался, образуя узкую петлю, которая пересекала собственное основание и уходила вверх, замыкаясь в подобие змеиного кольца. Две боковые дуги охватывали центральную фигуру, не соприкасаясь с ней, а у самого основания сходились в острый угол, похожий на клык или наконечник клинка.

Весь знак был заключён в тонкий ромб, одна из сторон которого оставалась незамкнутой. Через его середину проходила короткая поперечная черта, придававшая изображению сходство с печатью или древним письменным знаком. Никаких букв, цифр или дополнительных украшений рядом не было. Только чёрные линии, несколько утолщённых штрихов и крошечный просвет в центре, напоминавший вертикально раскрытый глаз.

Алекс приблизил лист к свету. Чернила местами потускнели, но сам рисунок сохранился удивительно чётко. Он провёл взглядом по каждой линии, пытаясь определить, что именно перед ним: слово, имя, знак принадлежности или нечто, чему никогда не предназначалось быть прочитанным человеческими глазами.

— И что, по-вашему, это означает? — спросил он.

— Пока ничего определённого. Инквизиция привлекла магов, историков и специалистов по древним языкам. Знак сравнивали с письменами исчезнувших цивилизаций, печатями старых династий и символами культов, существовавших задолго до основания нынешних коро-

левств. Никто не смог прочитать его буквально. Но несколько независимых источников указывают на одну и ту же фигуру.

Гидеон выдержал паузу, внимательно наблюдая за Алексом.

— Лоркан.

Алекс ещё раз взглянул на монограмму. Имя не вызвало у него заметной реакции, однако он не спешил возвращать лист. Что-то в самом устройстве знака раздражало его: линии будто намеренно скрывали свою структуру, заставляя взгляд возвращаться к центру, где все элементы сходились в единую фигуру.

— Значит, ваши учёные не могут прочитать символ, но уже решили, кому он принадлежит?

— Мы не утверждаем, что Лоркан вернулся, — сухо ответил Гидеон. — Мы утверждаем, что у нас появились основания опасаться этого.

Алекс наконец опустил лист.

— И какое отношение к этому имеет Дэриер?

На лице Гидеона впервые появилось нечто, что он не сумел скрыть за привычной сдержанностью.

— Она отправилась выяснить происхождение знака. И с тех пор пропала.

— Ты отправил свою дочь на поиски древнего и опасного вампира? — Алекс поднял глаза от листа. — Или она сама решила, что ей не хватает приключений?

Гидеон устало потёр переносицу.

— За четыре года общения с тобой она переняла кое-что, — ответил он. — Самодурство и упрямство. В равных пропорциях.

— Приятно знать, что я оказал на неё благотворное влияние.

— Не обольщайся. Я не уверен, что это можно назвать благотворным.

Алекс едва заметно усмехнулся, но продолжать перепалку не стал. Он снова посмотрел на рисунок, задержав взгляд на переплетении острых линий.

Гидеон откинулся на спинку кресла, сложив руки перед собой.

— Сначала это были отдельные сообщения. Пропадали торговые караваны, небольшие группы путешественников, иногда вооружённые отряды, сопровождавшие ценные грузы. В подобных случаях всегда находились удобные объяснения: разбойники, чудовища, нападения в глухих районах. А там, где находили следы нападений, обнаруживался этот знак.

Он указал на лист, лежавший перед Алексом.

— Дэриер перерисовала его с одного из мест происшествия. После этого мы начали изучать символ. Привлекли магов, подняли старые архивы, перебрали записи о древних культах и существах, существовавших задолго до появления нынешних государств. Чем глубже мы копали, тем чаще натыкались на одно и то же имя.

— Лоркан, — произнёс Алекс.

— Именно. Разумеется, мы не можем утверждать, что это он. Никто не видел его собственными глазами. У нас нет доказательств того, что он действительно освободился, и я не собираюсь выдавать догадки за факты. Но если все эти совпадения не случайны, то у нас гораздо больше причин для беспокойства, чем хотелось бы.

Гидеон помолчал, подбирая слова. На этот раз в его голосе не было ни привычной властности, ни желания оставить за собой последнее слово.

— Если Лоркан действительно вернулся, последствия могут оказаться катастрофическими. Мы не знаем, что он задумал, чего добивается и сколько времени у него было на подготовку. Мы даже не знаем, насколько хорошо сохранились его силы. Ты лучше многих понимаешь, с чем нам, возможно, придётся столкнуться.

— И всё это время вы продолжали изучать бумагу, — заметил Алекс. — Вместо того чтобы выяснить, кто оставляет знаки и где искать следующую жертву.

— Мы делали и то и другое. Но Дэриер решила, что ждать результатов расследования слишком долго. Она отправилась искать ответы самостоятельно. Я узнал об этом не сразу. Когда попытался выяснить, куда именно она направилась, было уже поздно.

Впервые за разговор Гидеон отвёл взгляд. Всего на мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы стало ясно: именно эта часть истории давалась ему тяжелее всего.

— Я не знаю, где она сейчас, Алекс. Не знаю, жива ли она. И не знаю, что именно ей удалось обнаружить, прежде чем она исчезла.

Он снова посмотрел на Блэка. В его серых глазах больше не осталось прежней холодной уверенности. Перед Алексом сидел не глава влиятельного рода и не высокопоставленный человек Инквизиции, привыкший отдавать приказы. Перед ним был отец, который слишком поздно понял, насколько далеко зашла его дочь.

— Поэтому я прошу тебя. Впервые в жизни — прошу. Найди её.

Алекс некоторое время молчал. Он посмотрел на Гидеона, затем на лист, снова на Голда, словно пытался сопоставить услышанное с тем, что знал о человеке напротив. Наконец он медленно сложил бумагу и положил её на стол.

— Нет, Голд. Давай без этого благородного спектакля. Ты никогда не отличался особой любовью к судьбе мира, а уж спасение человечества и вовсе не входило в перечень твоих любимых занятий.

Гидеон заметно напрягся.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что ты пришёл ко мне не только из-за дочери. И уж точно не потому, что внезапно проникся заботой обо всём живом.

Алекс оттолкнулся от стены и подошёл к столу. Теперь он стоял напротив Голда, опираясь ладонями о тёмную столешницу.

— Я слишком долго тебя знаю, чтобы поверить в такую историю. Ты можешь сколько угодно рассказывать мне о пропавших караванах, древних символах и грядущем конце света, но я хочу знать, что на самом деле заставило тебя прийти сюда.

Гидеон не ответил, и Алекс продолжил:

— Ты ведь помнишь, что произошло тысячу лет назад, когда Лоркана наконец удалось пленить? Твой предок дал богам обещание. Он поклялся, что, если эта тварь когда-нибудь вырвется на свободу, ни один из потомков рода Голд не попадёт в небесные чертоги.

На последних словах лицо Гидеона изменилось. Едва заметно, но Алекс увидел это: напряжение у рта, застывший взгляд, короткую паузу перед вдохом.

Этого было достаточно.

Алекс выпрямился, не сводя с него глаз.

— Вот теперь мы начинаем приближаться к правде. Если Лоркан действительно вернулся, твоя семья рискует куда большим, чем потерей репутации или власти. Ты боишься, что обещание твоего предка наконец придётся исполнить.

Он выдержал паузу, позволяя словам осесть между ними.

— Так что ответь мне, Гидеон. Ты просишь меня найти Дэриер, потому что любишь свою дочь… или потому, что боишься, что ждёт тебя самого, если Лоркан вернётся?

— Я не собираюсь перед тобой оправдываться, Блэк. Найди мою дочь.

Гидеон произнёс это жёстко, почти приказным тоном, словно на мгновение забыл, что перед ним не подчинённый и даже не человек, которому он мог бы что-то приказывать. Впрочем, он быстро осознал свою ошибку, но Алекс уже успел заметить эту перемену. На его губах появилась знакомая усмешка.

Он оттолкнулся от стола, обошёл кресло и уселся на край столешницы, скрестив руки на груди. Некоторое время он молча разглядывал Голда, словно решая, какую из многочисленных колкостей тот заслужил больше остальных.

— Знаешь, мне тут вспомнилось кое-что интересное. Несколько лет назад ты весьма убедительно объяснял мне, что я не пара твоей дочери. Помнишь? Кажется, тогда у тебя было немало аргументов относительно моего происхождения, образа жизни и, разумеется, характера.

Алекс чуть наклонил голову.

— Так почему бы тебе не поручить это дело тому, кто, по твоему мнению, был бы для неё куда лучшей парой?

Гидеон резко поднялся с кресла. Кожаная обивка глухо скрипнула, а ножки стула неприятно царапнули пол. На его лице проступила злость, которую он уже не пытался скрывать.

— Ты…

Он осёкся, встретившись со взглядом Алекса.

Блэк даже не пошевелился. Он по-прежнему сидел на краю стола, наблюдая за Голдом с ленивым любопытством, словно тот был не более чем очередным раздражительным стариком, решившим устроить сцену. Ни вызова, ни открытой угрозы в его позе не было. И всё же Гидеон вдруг понял, насколько бесполезно пытаться давить на Алекса подобным образом. Тот не собирался уступать только потому, что собеседник повысил голос.

Голд медленно выдохнул и поправил манжету камзола, возвращая себе самообладание.

— Потому что я не знаю никого лучше тебя, — наконец произнёс он. — Ты превосходный охотник, Алекс. И следопыт. Ты находил тех, кого не могли отыскать целые отряды. Ты выслеживал существ, о которых большинство людей предпочитает даже не слышать. И если кто-то способен найти Дэриер там, куда не рискнут сунуться остальные, то это ты.

— Какое неожиданное признание. Мне даже захотелось прослезиться.

— Не испытывай моё терпение.

— А то что? Снова расскажешь, какой я неподходящий кандидат в мужья?

Гидеон стиснул челюсти, но на этот раз промолчал.

Алекс отвернулся, погрузившись в размышления. Его взгляд задержался на сложенном листе с древним символом. Исчезнувшие караваны, пропавшие вооружённые отряды, знак, который Инквизиция связывала с Лорканом, и Дэриер, решившая отправиться на поиски ответов в одиночку. Слишком много неизвестных, слишком мало достоверных сведений. А если подозрения Гидеона окажутся верны, речь пойдёт не об очередной охоте на чудовище, за которую можно назначить цену и получить вознаграждение.

Он прекрасно понимал, чем рискует. Лоркан не был обычным вампиром, которого можно выследить, загнать в угол и прикончить удачно нанесённым ударом. Если древний кровопийца действительно вернулся, за ним могли стоять силы, о которых даже Инквизиция знала лишь по обрывкам старых хроник. И где-то посреди всего этого находилась Дэриер.

Алекс медленно спрыгнул со стола, поправил полы плаща и направился к двери.

— Алекс, подожди.

Он не остановился.

— Я заплачу тебе! — выкрикнул Гидеон ему вслед. — В десять раз больше, чем ты обычно берёшь за заказ!

Блэк замер у двери.

Несколько секунд он стоял неподвижно, опустив голову. Затем медленно повернулся. Раздражение на его лице было настолько явным, что Гидеон невольно осёкся, не успев добавить ни слова.

— Ты действительно считаешь, что можешь купить меня деньгами?

— Я считаю, что у каждого человека есть цена.

— Тогда тебе стоит почаще общаться с людьми, Голд. Возможно, однажды ты встретишь кого-нибудь, кто докажет тебе обратное.

Алекс вернулся к столу, но на этот раз не сел. Остановившись напротив Гидеона, он посмотрел на него без малейшей тени прежней насмешки.

— Я найду её. И мне плевать, что будет ждать меня впереди. Но давай сразу кое-что проясним, чтобы потом у нас не возникло недопонимания.

Он сделал короткую паузу.

— Никаких условий. Никаких правил. Если кто-нибудь встанет у меня на пути, я уберу его с дороги. Неважно, будут ли это вампиры Лоркана или твои инквизиторы. Мне плевать на их ордена, титулы, клятвы и священные предписания. Если они решат, что имеют право указывать мне, как искать Дэриер, пусть заранее позаботятся о том, чтобы их завещания были в порядке.

Гидеон внимательно смотрел на него, не перебивая.

— А теперь ты расскажешь мне, где её видели в последний раз, с кем она встречалась, что успела выяснить и куда собиралась направиться. Всё, что знаешь, даже если тебе кажется, что какая-нибудь мелочь не имеет значения. Потом ты уйдёшь с моей дороги и не станешь вмешиваться в расследование, если только я сам не решу обратиться к тебе за помощью.

Алекс наклонился чуть ближе, и его голос стал тише.

— И запомни одну вещь, Голд. Я делаю это не ради денег.

Он выпрямился, презрительно усмехнулся и бросил:

— Засунь своё предложение себе в задницу.

Комната снова погрузилась в тишину. Гидеон смотрел на Алекса, и впервые за весь вечер ему нечего было возразить. Он получил согласие, которого добивался, но вместе с ним — ясное понимание того, что теперь не он будет определять правила игры.

Алекс протянул руку к листу с символом и забрал его со стола.

— Ну? — спросил он. — Где мне начинать поиски?

Гидеон потянулся к карте, лежавшей на краю стола, и развернул её поверх тёмной древесины. Плотный пергамент с тихим шорохом расправился под его ладонями, открывая очертания западных земель Элдарина: королевства, имперские владения, извилистые речные русла и горные цепи, чьи названия были нанесены выцветшими чернилами. Гидеон прижал угол карты серебряной чернильницей, затем провёл пальцем на северо-восток от границ Фердена, к обширному лесному массиву, лежавшему между империей и Восточным королевством. За лесом тянулись предгорья, постепенно переходившие в каменные исполины Драконьего хребта, где узкие перевалы связывали обжитые земли с территориями, куда редко забредали даже опытные путешественники.

— Здесь, — сказал он.

Алекс подошёл ближе и посмотрел на отмеченное место. Лес на карте выглядел всего лишь зелёным пятном, ограниченным тонкими линиями границ, однако он знал, насколько обманчивыми могли быть подобные изображения. На бумаге даже самые непроходимые чащи казались аккуратными участками земли, а расстояния между поселениями — незначительными промежутками. В действительности же там могли скрываться заброшенные дороги, старые святилища и целые долины, в которых никто не бывал десятилетиями.

— Последний достоверный след Дэриер ведёт туда, — продолжил Гидеон. — По крайней мере, это последнее место, о котором мне удалось узнать. Дальше начинаются предположения.

Алекс ещё раз окинул взглядом карту, словно пытался запомнить расположение леса относительно ближайших дорог и горных проходов. Затем выпрямился, развернулся и направился к двери.

— Алекс, — окликнул его Гидеон.

Блэк не остановился, лишь чуть повернул голову, показывая, что слушает.

— Ты даже не знаешь, с чего начать поиски, — произнёс Голд. В его голосе снова проступила прежняя жёсткость, хотя теперь за ней угадывалась скорее тревога, чем желание задеть собеседника.

Алекс задержался у двери и наконец обернулся. На его лице появилась знакомая, чуть насмешливая улыбка.

— Если Лоркан и правда освободился, я знаю того, кто мне поможет.

Он не стал ничего объяснять. Просто открыл дверь и вышел в коридор, оставив Гидеона наедине с картой, которая внезапно показалась тому куда менее подробной, чем ещё несколько минут назад.

Алекс покинул «Адское пламя», не удостоив Гидеона ни прощальным словом, ни обещанием, что тот ещё услышит от него какие-либо новости. Дверь за его спиной захлопнулась, отрезав его от запаха табака, крепкого алкоголя и бесконечных интриг, которыми пропитались стены заведения. Впереди лежал Мельдорф — огромный, шумный и пропитанный промышленным дымом город, чьи улицы даже в поздний час не знали настоящей тишины.

Он двигался быстро, лавируя между запоздалыми торговцами, подвыпившими рабочими и экипажами, с грохотом прокатывавшимися по мостовой. Над крышами тянулись клубы дыма, медные трубы выпускали в холодный воздух струи пара, а магические вывески окрашивали мокрые фасады домов в тусклые оттенки синего, зелёного и багрового. Где-то за рядами лавок надрывно гудел заводской механизм, и этот звук, смешиваясь с лязгом колёс и людским гомоном, сопровождал Алекса до самых городских окраин.

Он не обращал внимания на прохожих и не задерживался у перекрёстков дольше необходимого. В голове уже складывался маршрут, хотя подробностей предстоящего путешествия он пока не знал. Сначала следовало добраться до места, указанного Гидеоном, а там — выяснить, что произошло с Дэриер и какие следы она оставила после себя. Если Голд действительно сообщил всё, что ему было известно, начинать придётся с леса на границе Фердена и Восточного королевства. Если же он что-то утаил, Алекс выяснит это позже.

У городских ворот шум улиц постепенно стихал, уступая место скрипу телег, ржанию лошадей и окрикам стражников. Неподалёку располагались конюшни, где путникам предлагали животных на любой вкус и кошелёк: от уставших ломовых кобыл до породистых скакунов, которых содержали в чистоте и кормили лучше, чем некоторых городских бедняков. Алекс свернул во двор, где пахло сеном, конским потом и навозом, и направился прямо к хозяину заведения.

Разговор оказался коротким. Блэк не собирался тратить время на торг с человеком, для которого несколько лишних монет значили больше, чем возможность поскорее избавиться от назойливого покупателя. Он выбрал крепкого, статного жеребца с тёмной, почти вороной мастью, внимательно осмотрел его ноги, зубы и сбрую, после чего расплатился. Конь был выносливым, с широкой грудью и сильными ногами — именно таким, каким и должен быть скакун для долгой дороги, где хорошие стоянки встречаются реже, чем неприятности.

Вскоре Алекс уже затягивал ремни дорожного снаряжения и проверял крепление седельных сумок. Последним движением он поправил длинный плащ, забрался в седло и направил жеребца к воротам. Стражник, узнав его, предпочёл не задавать вопросов, лишь проводив взглядом всадника, который исчезал за пределами Мельдорфа.

Город остался позади, постепенно растворяясь в серой дымке вечернего воздуха. Впереди лежала дорога на восток, к землям, где густые леса скрывали старые тропы, а горные перевалы хранили больше тайн, чем могли рассказать даже самые древние летописи. Алекс прибавил ходу, позволяя коню перейти на быстрый галоп.

Впервые за долгое время он отправлялся в путь не ради награды и не ради очередного контракта.

И это ему совсем не нравилось.